

Александр Михайловский
Юлия Маркова

СОПКИ МАНЬЧЖУРИИ

В закоулках Мироздания - 11

В закоулках Мироздания

Александр Михайловский

Сопки Маньчжурии

«Александр Михайловский и Юлия Маркова»

2020

Михайловский А. Б.

Сопки Маньчжурии / А. Б. Михайловский — «Александр Михайловский и Юлия Маркова», 2020 — (В закоулках Мироздания)

Русско-японская война, декабрь 1904 года. Порт-Артур еще не пал, но это трагическое событие не за горами. И даже в окружении русского императора не все желают победы Российской Империи. Буржуазия рвется к власти, и некоторые из денежных мешков мнят, что военный разгром приблизит долгожданные реформы по европейскому образцу: царь должен царствовать, а править будут они, владельцы заводов, газет, пароходов. За них – банкирские дома Лондона и Парижа и отечественные мастера крупных гешефтов, за них – всеильное масонство. И против такой силы бесполезен отчаянный героизм и жертвы со стороны русских солдат, матросов и офицеров. Кому-то горе и смерть, а владеющим капиталами – неограниченная власть. И в этот критический момент в войну вступает загадочная третья сторона. Свой меч на чашу весов мировой политики бросает самовластный Великий князь Артанский, любитель стремительных сокрушительных ударов и окончательных побед. Он держит ответ за свои деяния исключительно перед Всевышним. Пройдет немного времени – и мир поймет, что этот человек принес с собой необратимые перемены.

© Михайловский А. Б., 2020

© Александр Михайловский и Юлия
Маркова, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	44
-----------------------------------	----

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Сопки Маньчжурии

В оформлении обложки использован фрагмент картины художника Н.С. Самокиш «На сопке после штурма», написанной в качестве иллюстрации к книге «Война 1904-1905. Из дневника художника», вышедшей в печать в 1908 году.

05 декабря (22 ноября) 1904 год Р.Х., день первый, 05:35. окрестности Порт-Артура, гора Высокая (она же по-японски «высота 203»).

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Стоя на вершине «высоты 203» в полной темноте¹, я магическим зрением обозревал окрестности и мысленно матерился как последний извозчик. При нормальном подходе к делу эту ключевую, господствующую над местностью высоту можно было превратить в укрепленный район повышенной недоступности, у подножия которого горами трупов легла бы вся японская армия при минимальных потерях обороняющихся. Если все делать «самым настоящим образом», то на этой высоте должны иметь место изломанные линии траншей и ходов сообщения, заглубленные в землю доты и дзоты, вооруженные пулеметами, простреливающими склоны фланкирующим огнем, сплошная путаница проволочных заграждений. При этом на самой вершине необходимо устроить надежные бункера с толстыми бетонными перекрытиями, вмещающие в себя командный пункт, лазарет и казарму, где гарнизон мог бы отсиживаться во время тяжелых артиллерийских обстрелов.

А что мы видим? Вместо траншей – стенку из камней, высотой едва ли не по пояс. Никакой защиты при артиллерийском или даже ружейно-пулеметном обстреле она не дает. Вместо дотов – вообще ничего. Вместо колючей проволоки (изобретенной, кстати, за четверть века до сего момента) – частокол и эскарп как во времена Батыева нашествия, а вместо бункера на вершине – открытый всем шрапнелям форт, с такой же открыто расположенной артиллерией, сейчас уже приведенной вражескими обстрелами в полную негодность. Собственные батареи противник прячет в складках местности, корректируя огонь с наблюдательных пунктов, и смеется над глупыми длинноносыми варварами, выставившими свои пушки на прямую наводку.

Едва я об этом подумал, как энергооболочка бога войны шепнула мне на ухо: «Автор проекта сухопутной крепости Порт-Артур – генерал-майор корпуса военных инженеров Константин Иванович Величко... Шо маемо, то маемо...»

Что касается вражеской пехоты, то она, в отличие от русских солдат, открытых всем обстрелам, сидит в глубоких траншеях полного профиля, буквально выдолбленных киркомотыгами в каменистом грунте. Поэтому и соотношение потерь при штурмах столь неприличное: японцы потеряли семь с половиной тысяч человек, а русские – целых четыре с половиной тысячи солдат. Причина японских потерь – крутые открытые склоны, вверх по которым надо упорно карабкаться под огнем противника, зачастую вставая на четвереньки. У русских же фактически отсутствуют реальные укрытия, из-за чего вражеский артиллерийский обстрел и ружейный огонь наносит защитникам высоты столь большой урон. Русские своих убитых уже вынесли и похоронили, из-за чего вершина горы кажется «чистенькой». То тут, то там лежат только отдельные японские солдаты, сумевшие вскарабкаться на эскарп к линии обо-

---

¹ Ночь 4-5 декабря 1904 года по Григорианскому календарю приходилась на новолуние и, соответственно, вся боевая деятельность от заката до рассвета полностью замирала, если не считать беспокоящего обстрела из тяжелых орудий в соответствии с заранее разведанными установками.

роны и убитые уже здесь. Поначалу таких сбрасывали вниз, на бесполезные колья, и только потом, когда русских осталось мало, их стали оставлять там, где их и застала смерть. Остальные японцы погибли внизу: крутые склоны устилал сплошной ковер мертвых тел. Если бы не температура воздуха, которая на два-пять градусов скачет вокруг нуля, все вокруг уже давно благоухало бы отборным скотомогильником. Но Отец Небесный миловал. Вся японская мертвечина сохраняется в ожидании похорон как в холодильнике морга.

Но так жить нельзя; на всей высоте разведчики капитана Коломийцева нашли не более сотни русских солдат: две трети из них были ранены, многие тяжело. Так и лежали, кое-как перевязанные, на земле, сжимая в руках винтовки, в ожидании момента, когда рассветет и япошка пойдет в свою последнюю атаку. Тогда эти герои выпустят в наступающие цепи последние оставшиеся патроны и умрут с чувством исполненного перед страной долга.

Я же от таких зрелищ местной русской действительности начинаю сатанеть... Наверное, в эти минуты Фок, Стессель и другие деятели местного артурского бомонда беспокойно заворожались в своих мягких постелях, чувствуя сквозь сон, как к заднице на толщину трусов приближается осиноый кол. Но этот гнев – дело вторичное, никуда эта публика от меня не уйдет; сейчас надо исправлять положение и готовиться с рассветом отбивать японскую атаку. Для начала необходимо собрать всех русских раненых, кто еще жив, и отправить их в наш госпиталь в Тридесятom царстве. Я ощущаю этих людей как «своих» – а значит, они должны жить. После необходимо ввести на эту гору уже побывавший в похожем деле 1-й пехотный легион милейшего Велизария. Но прежде необходимо правильно оборудовать позиции, а не то мои люди начнут гибнуть с той же дурацкой скоростью, как и подчиненные генерала Фока. А это не есть хорошо.

Но для того чтобы отрыть в скалистом грунте траншеи и построить блиндажи обычным способом, потребуется месяц работы механизированного саперного батальона. Этого месяца у нас нет, как и саперных частей соответствующей численности и оснащенности. Остается Магия Земли, которую мы уже применяли, укрепляясь на вершине Сапун-горы в мире Крымской войны. И как раз на этот случай в составе передового отряда, помимо меня самого, присутствует вся наша магическая пятерка. Сейчас, безлунной ночью, это совсем безопасно, даже для женщин и детей. В полной тьме в это время никто не воет, только откуда-то с северо-восточного направления глухо бухают беспокоящим огнем осадные одиннадцатидюймовые «осакские» гаубицы. Но этими «малышками» с весом качающейся части в двадцать пять тонн мы займемся позже – сюда, на «высоту 203» их снаряды все равно не долетают.

Коллегам по магической пятерке мне не надо ничего объяснять. И Кобра, и Анастасия, и Колдун, и даже Птица – все чувствуют то же, что и я. Вот капитан Коломийцев сообщает, что все раненые вынесены через портал в Тридесатое Царство, а немногочисленные здоровые отправлены на территории редута на вершине высоты, где я ничего не планирую менять. Пусть в ходе боя японская артиллерия лупит в него по старой привычке, тратит снаряды и думает, что делает важное дело. Собравшиеся там два десятка русских солдат ничего не понимают, но люди, что хозяйничают на вершине высоты, разговаривают по-русски, а у самого старшего из них на плечах погоны штабс-капитана. Для рядового солдата местной русской армии, по службе обычно общающегося исключительно с унтерами и фельдфебелями, это большое начальство.

Наша «пятерка» мысленно берется за руки, после чего цепь замыкается. Моя энергооболочка бога войны чертит зигзагообразные линии траншей и ходов сообщения, намечает места для пулеметных гнезд и дотов литого камня. Новый УР «высоты 203» не совпадает с тем, что тут напланировал небезызвестный капитан Лиллье. На обратном скате главного гребня «высоты 203» намечены оружейные дворики для шести 120-мм минометов, и углом к ним на внутреннем склоне юго-западного отрога запланированы глубокие капониры для шести самоходных гаубиц и машины управления одной артиллерийской батареей, которая должна работать

в основном в северо-восточном направлении. Еще две батареи дивизиона пока в резерве. И самое главное – сравнять этот дурацкий эскарп. Ни к чему нам мертвые зоны при ружейно-пулеметном обстреле. И заодно необходимо защемить, сделать непроходимыми японские зигзагообразные осадные траншеи, ведущие наверх, прямо к русским укреплениям. Надо заставить вражеских солдат как можно дольше бежать под нашим огнем вверх по склону по открытой местности. К тому же вражеские стрелки, укрепившиеся в двухстах метрах от наших траншей, будут представлять серьезную угрозу для наших пехотинцев, которые отнюдь не бессмертны. Чем ближе расположены наблюдатели противника, тем хуже работает заклинание маскировки.

И вот все готово. Сейчас линии разметки неосязаемы и видны только магическим зрением, но это пока только проект. Тем временем Дмитрий Колдун в соответствии намеченной мною схемой плетет паутину заклинания. Кобра готовится работать магическим аккумулятором, чтобы подать по энергоканалам на исполняющие контуры необходимое количество энергии. Анастасия следит за тем, чтобы при исполнении не было нежелательных световых и звуковых эффектов, а Птица наблюдает за нашим психическим состоянием. Тоже немаловажная задача, ибо работа предстоит не из легких. Колдун мысленно сообщает, что ткань заклинания готова, и я также мысленно поворачиваю ключ. Земля дрожит и медленно-медленно начинает двигаться. Это все равно что лепить из пластилина, – только это очень тугой пластилин, и действовать надо не торопясь. Миллиметр за миллиметром с утробным скрипом скалистый грунт ползет в стороны и вдавливается вглубь.

Наконец все готово. Не глянув на часы, мне сложно сказать, сколько прошло времени: час или два. С субъективной точки зрения так и вообще целая вечность. На Сапун-горе было гораздо проще. Тамошние укрепления не должны были противостоять огню современной артиллерии, да и до позиций противника было четыре-пять километров, а отнюдь не шесть-сот-семьсот метров. Но в первом приближении дело все-таки сделано, поэтому я разрываю связи и распускаю «пятерку». Теперь сюда можно вводить Велизария с его башибзуками, пусть занимают оборону. К рассвету все должны уже сидеть на позициях и не отсвечивать. Применение Магии Земли для создания оборонительных рубежей хорошо еще тем, что работа идет без нарушения поверхностного слоя почвы, травяного, покрова и прочих мелких деталей, так что все созданное нами выглядит как естественные складки местности – разумеется, ровно до той поры, пока эти бугорки и ямки не плюнут в приближающегося врага ружейно-пулеметным огнем.

И вот из темного зева портала (там у нас тоже ночь), манипула за манипулой на вершину высоты вступает легион Велизария. Рослые тени в полной темноте движутся почти бесшумно, лишь тихо позвякивает амуниция, да негромко переговариваются многоязыкие голоса. Бойцовые лилитки, древние славяне-артанцы, куда менее древние рязанские вои, освобожденные мною в Крыму мира Смуты польские паны и германские наемники, понимающие языки друг друга благодаря транслирующим амулетам. А ведь это все Профессор, который, будучи глухим к магии как медведь к оперному пению, тем не менее сумел подсказать способ дублирования одного заклинания на множество фабрично изготовленных материальных носителей. Иметь амулет – это намного проще и практичнее, чем вешать такое же заклинание на ауру. Помимо трансляторов, каждый боец снабжен амулетами Истинного Взгляда, позволяющими им не спотыкаться в темноте и амулетами регенерации, способными самостоятельно заживить легкую рану и сохранить солдату жизнь при тяжелом ранении.

А вот и сам Велизарий...

– Задание для твоих людей, как обычно, господин мой Велизарий, – говорю я ему, – вцепиться в эту высоту как в свое и держаться до тех пор, пока противнику не надоест складывать штабеля из трупов своих солдат у подножия этой горы. Только учти, что здесь тебе придется иметь дело уже не с такими технически отсталыми дикарями, как в предыдущем мире. Ору-

жие врага будет таким же дальноточным и почти таким же скорострельным, как и у твоих солдат. Но, несмотря на свое отличное вооружение, они не более чем варвары-федераты, дикие и необузданные, которых одна заморская империя решила поставить себе на службу. Эти люди больше полагаются на ярость и отвагу, чем на хитрую тактику. Так что не удивляйся, если твою позицию попробуют просто завалить трупами.

– Я понял тебя, господин мой Сергей, – мрачно сказал Велизарий, обзрев окрестности Истинным Взглядом, – и можешь быть уверен, что я и мои люди тебя не подведем. Мы уже били множество разных варваров, и эти тоже не будут исключением.

– Таких варваров ты еще не видел, – сказал я, – технически развитые – так что они не уступают самым продвинутым народам этого мира, – в душе эти люди настолько дики, что даже не гнушаются людоедством. А еще у них в чести абсолютно бессмысленные убийства безоружных; впрочем, я не думаю, что ты сменишь стезю, отложишь оружие и пойдешь проповедовать дикарям мир.

– Да, господин мой Сергей, – покачал головой Велизарий, – мое искусство – это война, а мир и веру в Христа пусть проповедует известный плут Прокопий Кесарийский. С твоего позволения я пойду, мне еще нужно осмотреть позиции и выработать в уме план боя.

Едва Велизарий, ловко спрыгнув в ход сообщения, удалился, ко мне подошел капитан Коломийцев.

– Сергей Сергеевич, – сказал он, – тут к тебе на аудиенцию просится единственный офицер среди местных и временный комендант этого укрепления. Он ранен осколком в ногу, но со всем пылом своей юной души отказался покидать позицию, пока не переговорит с тобой. Сдается, что в данном случае мы имеем классический вариант самопроизвольно сработавшего Призыва. Я подумал, что было бы крайне неудобно уносить отсюда раненого предка под аккомпанемент его протестующих криков...

– Правильно сделал, Виктор Александрович, – ответил я. – А я-то думаю – кто это тут скребется под дверь и просит его впустить? Манкировать такими вещами ни в коем случае нельзя. Идем, покажешь мне этого героя...

Тогда же и там же. Младший инженер-механик Михаил Николаевич Лосев.

Еще совсем недавно я был уверен, что не переживу следующего дня. Вчера после последней атаки в живых на укреплениях горы Высокой оставалось не более сотни нижних чинов (в большинстве своем сильно израненных), да единственный офицер в моем лице. Иногда задумываюсь: а что делаю тут я, младший инженер-механик² с броненосца «Ретвизан»? Но позволяю сердцу – и одним из первых я сошел с корабля, чтобы воевать с японцами на сухопутном фронте, отметившись множеством разных дел. Сначала меня назначили субалтерн-офицером³ в стрелковой роте, а потом я командовал охотничьей командой, производящей диверсии у форта № 3, за что и был награжден Анной Третьей степени.

А пять дней назад, возглавив десантную роту с «Севастополя», я контратакой отбивал у неприятеля эту самую гору Высокая. Выполнив задачу, севастьяпольцы ушли в тыл, а я остался со сменившими их стрелками. Мы насмерть дрались за эту гору, совершенно не приспособленную к обороне, отражая одну атаку противника за другой. Вражеский огонь косил нас, не имеющих никакого прикрытия, пули и осколки не разбирали между офицерами и нижними чинами, а подход резервов делался все скуднее. А вчера стало ясно, что более не придет никто. Резервов в крепости не осталось. Но если падет Высокая, то японцы поставят на ее вершине

---

² Младший инженер-механик – первичное обер-офицерское звание в Корпусе инженер-механиков флота (X класс Табели о рангах) с титулованием «ваше благородие».

³ Субалтерн-офицер – обер-офицер, помощник командира роты, которого тот мог оставить за себя в случае отсутствия, или отправить вместе с частью солдат нести службу отдельно от места общей дислокации, ибо должности взводных командиров занимали фельдфебели и старшие унтер-офицеры.

своих артиллерийских корректировщиков – и тогда вся крепость окажется у них как на ладони. Такие вещи я, хоть и не являюсь артиллерийским офицером, понимаю прекрасно. Так что когда настала ночь, я страдал не столько от раны в ноге, сколько от острого осознания невозможности предотвратить неизбежное падение Порт-Артура. Я мечтал о чуде. Я молился Господу, чтобы он помог нам... Но при этом я с тоской осознавал, что это конец, что мы проиграли. Я не боялся умирать, но мне не хотелось уходить из жизни, видя наше поражение.

А потом... потом слышались тихие крадущиеся шаги... и я даже подумал, что это у меня начинается бред. Но нет... все это происходило наяву. Сознание мое оставалось ясным – и я отчетливо слышал тихие голоса, вроде как говорящие на русском языке... однако при этом не было видно ни малейшего огонька. Как странно... Ведь сейчас, в новолуние, в полночь, под плотными осенними облаками, темень такая, что, вытянув руку, не увидишь кончиков собственных пальцев. В полуразрушенном редуте, где мы укрылись от пронизывающего ветра, горела лампа «летучая мышь» в корпусе из красной меди, но за пределом светового круга, который она отбрасывает, не было видно ни зги.

Набравшись храбрости, я растянул кобуру и крикнул:

– Эй, кто там ходит? А ну-ка покажись!

Голос мой, вероятно, звучал не так грозно, как мне бы хотелось, но в этой наполненной мраком тишине он показался мне самому достаточно громким и уверенным.

– Мы тут ходим, – на чистом русском языке довольно нагло отозвалась темнота, – бойцы разведбатальона армии Великого князя Артанского...

Конечно же, ничего подобного я не ожидал и даже на мгновение замешкался. Я не знал что и думать. Едва я собрался спросить, что это за такой Великий князь Артанский, откуда он взялся и насколько велика его армия, как из темноты в наш круг света вышли три фигуры, больше похожие на ожившие копны сена.

– Ну что, господин прапорщик, – спросила средняя фигура, – посмотрел?

Мне показалось, что зрачки глаз этого человека на мгновение сверкнули бело-голубым огнем⁴... Кроме того, все лицо этого человека – свят-свят-свят! – было размалевано устрашающими черными диагональными полосами, да так, что нельзя было разглядеть его черт; а в руках он с привычной небрежностью сжимал короткий ладный карабин, чем-то смахивающий на уменьшенную копию винтовки Мадсена, перевернутую вверх ногами. Еще я обратил внимание на хорошие кожаные перчатки с обрезанными пальцами и чистое литературное произношение собеседника, свойственное образованному человеку. Даже если мой собеседник не офицер, он как минимум унтер из вольноопределяющихся, поскольку для обычного нижнего чина он больно дерзок.

– Господин незнакомец, – стараясь скрыть замешательство и сдержать возмущение, сказал я, – потрудитесь представиться по всей форме и сообщить, с какой целью вы тут находитесь!

Видимо, разговаривал я достаточно громко, потому что после этих слов их темноты вынырнула еще одна подобная фигура, а трое солдат, отступив назад, растаяли во мраке.

– Капитан Коломийцев Виктор Александрович, – сказал новый визитер, – командир разведывательного батальона армии Великого князя Артанского Сергея Сергеевича Серегина. По приказу нашего Командующего мы прибыли на помощь гарнизону Порт-Артура...

– Михаил Николаевич Лосев, – сказал я, внимательно вглядываясь в фигуру говорившего, – младший инженер-механик с броненосца «Ретвизан», в настоящий момент, как последний оставшийся в живых офицер, исправляю обязанности начальника гарнизона горы Высокой.

– Ну вот и ладушки, Михаил Николаевич, – бодро сказал этот самый капитан Коломийцев, – мы вас сменяем. Ваших раненых наш командующий приказал отправить в госпиталь, а

---

⁴ Такой побочный эффект в темноте может дать применение заклинания Истинного Взгляда.

здоровые могут отойти к вашим основным позициям либо же остаться здесь и составить наш резерв. Утро обещает быть жарким.

– Но я ничего не понимаю, Виктор Александрович! – чуть не плача сказал я, теряясь в мучительных догадках. – Что это за такая Великая Артания? Никогда не слышал о таком государстве... И почему вы приходите к нам на помощь? В конце концов, куда будут отправлены на излечение мои люди, и кто вы такие вообще?

– Мы – русские люди, – сказал капитан Коломийцев, встав на одно колено и склонившись ко мне, – и Великий князь Артанский – русский человек в первую очередь. А настоящие русские люди не будут валяться лежнем на печи, пока других русских людей обижают всяческие злодеи. Поэтому мы и пришли к вам. Сказать честно, если бы японский микадо сейчас узнал, что его существование замечено моим командиром, то лучше бы он пошел и вскрыл себе живот ножом-кусунгобу, совершив обряд сеппуку. Так бы у него было меньше хлопот... – на этом слове мой собеседник замолчал, словно к чему-то прислушиваясь, а потом произнес: – О, Михаил Николаевич, слышишь? Началось...

– Что началось, Виктор Александрович? – машинально переспросил я, и вдруг услышал, точнее, почувствовал, как земля подо мной мелко затряслась, а потом застонала от давящей на нее невыносимой тяжести.

В этот момент я подумал, что, скорее всего, Артанское войско в полной темноте незамеченным сумело высадиться с кораблей в Голубиной бухте и проникнуть к нам на Высокую. Как такое было возможно осуществить, я не понимал, но это было единственное рациональное объяснение, которое приходило мне в голову. И вдруг, под эти ритмичные содрогания земли, меня неожиданно охватило чувство надежды на то, что теперь кончатся наши страдания. Неужели Господь услышал мои молитвы? Неужели он Он и вправду явил чудо? Вот – пришел настоящий командующий, который воодушевит робких, поддержит храбрых и разгромит осаждающую Порт-Артур армию генерала Ноги. А то в последнее время слишком много стало ходить разговоров о том, что любая осажденная крепость в истории была обречена на капитуляцию. Если этот Артанский князь такое могущественное лицо, раз уж его должен опасаться сам микадо, к тому ж самовластный монарх, который пришел на помощь погибающему Порт-Артуру – то, быть может, он сумеет объяснить государю Николаю Александровичу, что у нас здесь творится самая неприкрытая измена... Крепость готовят к сдаче, и только командующий сухопутной обороной Роман Исидорович Кондратенко является препятствием для этих замыслов. Пока он жив, Порт-Артур будет сражаться, но если его убьют, катастрофа неминуема.

– Виктор Александрович, голубчик! – сказал я, разволновавшись, – мне непременно необходимо поговорить с вашим князем! Ведь его светлость совершенно не представляет себе, что творится сейчас в Артуре...

– А вы, значит, Михаил Николаевич, хотите его просветить? – полувопросительно, полуутвердительно произнес капитан Коломийцев. – Знаете ли, титул самовластного Великого Артанского князя у Сергея Сергеевича далеко не самый главный. Я бы даже сказал, что он им несколько тяготится, воспитывая в своем окружении одного способного юношу, чтобы впоследствии возложить эту ношу на его плечи. Не думаю, что вы откроете ему что-то новое... Уверяю вас, что осведомлен о происходящем в гораздо большей степени, чем вы думаете. Впрочем, не могу вам сейчас сказать ни да, ни нет. Сергей Сергеевич в настоящий момент очень занят, и было бы совершенно неправильным ему мешать.

– Тогда я попрошу вас не отправлять меня в госпиталь немедленно, а, если это возможно, только после разговора с его Светлостью, – сказал я, глядя на то, как артанские санитары, одетые в такие мохнатые накидки, укладывают на носилки постанывающих раненых нижних чинов.

– Хорошо, Михаил Николаевич, мы выполним вашу просьбу, – сказал капитан Коломийцев, вставая на ноги, и обернувшись назад, добавил: – Зинаида, окажи, пожалуйста, этому раненому экстренную помощь...

Тут я опять машинально подумал, что «Зинаидой» должна быть рябая широколицая баба совершенно рязанского вида, и испытал мгновенную досаду от того, что опять не угадал. Из темноты на зов своего командира ко мне выступила не баба, а, скорее, девица, и ее смуглое лицо с высокими скулами и удлинёнными глазами, несмотря на уродующие его черные полосы, было прелестно какой-то особенной дикой красотой.

Присев рядом на одно колено, Зинаида посмотрела на меня пристальным «цыганским» взглядом; при этом ее зрачки ярко засветились как у кошки, отчего у меня по коже пробежали откормленные мурашки. Да что за чертовщина? Впрочем, выводы о том, чертовщина это или в самом деле Божий промысел, я делать поостерегся.

Зинаида прикоснулась сухими и неожиданно теплыми кончиками пальцев ко лбу и тому месту, где на шее бьется жилка, провела ладонью над раной, замотанной набухшими от крови бинтами, и, обернувшись к господину Коломийцеву, сказала со странным акцентом, но на вполне чистом русском языке:

– Ранение серьезное, мой командир, но существованию этого богоравного героя оно не угрожает. Как маг жизни низшей ступени я могу только снять ему боль и направить в руки госпожи Лилии. Только она за пару дней сможет поставить его на ноги, чтобы он продолжил совершать свои подвиги.

– Хорошо, – кивнул капитан Коломийцев, – делай.

Я едва успел мысленно покраснеть, подумав: «это я-то – богоравный герой?» и совсем не успел осознать смысл слов: «маг жизни», как Зиночка еще раз прикоснулась указательным пальцем к точке на моем лбу между бровями. От этого касания меня сначала прострелило чувство невыносимого наслаждения, а потом закачало как на теплых морских волнах, и я погрузился в светлый счастливый сон. В этом сне мы уже победили в войне, враг был разбит, а по дорогам прочь от Артура уныло брели длинные колонны японских пленных, конвоируемых всадниками в мохнатых папах.

Когда я снова открыл глаза, посвежевший и действительно избавившийся от боли, передо мной стояли трое: уже известный мне капитан Коломийцев в своем мешковатом мундире охотника, а также еще две особы, мужчина и женщина, в мундирах, чрезвычайно похожих на те, что носят в русской армии, но буро-болотного цвета. Женщина была эмансипирована, коротко, по-мужски, стрижена, а на ее бедре в потертых ножнах висел массивный меч явно старинной работы. Так могла выглядеть воинствующая варварская принцесса или даже королева, которая пошла на службу в современную армию, если бы это было возможно. Мужчина на фоне этой экзотической дамы выглядел почти обыкновенно; даже висящий на бедре такой же старинный меч не бросался в глаза, но стоило ему посмотреть на меня своим внимательным взглядом, как все мое естество пронзил приступ безграничной преданности.

– Ну, здравствуйте, Михаил, – сказал мне этот человек, опускаясь рядом на одно колено, – я и есть тот Великий Артанский князь Серегин Сергей Сергеевич, которого вы так хотели видеть. Ну-с, не томите, поведайте же наконец все то, что хотели рассказать.

– Ваша светлость... – начал было я.

Но господин Серегин меня сразу же оборвал.

– Послушайте, Михаил, и зарубите на своем носу. Мы с вами на поле боя, а не на светском приеме. И к тому же вы такой же воин, защитник матушки-России, как и я. Сражались вы храбро, были ранены, но с поля боя не ушли, намереваясь, если потребуется, отдать за Отчизну жизнь. Поэтому в неофициальной обстановке позволяю вам звать меня просто Сергеем Сергеевичем. А «светлости» от меня никуда не уйдут, но только ими я буду перебрасываться совершенно с другими людьми, не здесь и не сейчас...

Я чуть не расплакался от счастья. Ведь я не делал ничего особенного, воевал как мог за Россию, только мне везло больше чем иным моим товарищам, которые погибли, а я все еще жив. И такой человек сам ставит меня на одну доску с собой и говорит, что если я защищал Россию, то достоин чести обращаться к нему по имени-отчеству...

– Измена, Сергей Сергеевич, в Артуре всюду измена, – сказал я, – крепость хотят сдать, и главный изменник – это генерал Стессель, командующий Квантунским укрепленным районом.

Великий князь Артанский с некоторой ленцой произнес:

– А я думал, что генерал Стессель – это карьерист без капли военного таланта, чин которого перерос его самого уже на три головы. Таким человеком, юноша, весьма легко управлять, ведь он не понимает, какое решение будет во благо, а какое нет – чем и пользуются люди из его окружения, друзья и приятели. О нет – настоящий предатель, отдающий пораженческие и деморализующие приказы, носит другую фамилию... Впрочем, мы этим займемся немного позже, на втором этапе. А сейчас, Михаил, вы ничего не хотите мне сказать?

Его пристальный взгляд, казалось, проник в самую мою душу. И вот тут я почувствовал, что внутри меня взывает нечто мощное, побуждающее присоединиться ко всем тем, кого объединил под своим началом этот человек, этот князь неведомой Артании. Но было препятствие – и оно держало меня точно цепями, не позволяя сделать то, к чему неудержимо стремилось все мое существо. Это было так странно, и мучительно, и неожиданно...

Волнуясь, с трудом подбирая слова, я вымолвил:

– Да, Сергей Сергеевич, очень хочу! Я слышу какой-то зов... Этот зов наполняет меня неподвластным мне желанием стать одним из ваших воинов. Но... но я уже принес воинскую присягу государю-императору Николаю Александровичу, и вот... совсем не знаю, как мне быть с этим обстоятельством... сказать по правде, я в замешательстве.

– Да уж, юноша, – ответил тот, – при вступлении в Единство необходимо не только искреннее желание, но и отсутствие сомнений.

– Единство? – переспросил я.

– Именно так – единство, – сказал господин Серегин, – так называется воинское братство людей, мужчин и женщин, решивших разделить со мной тяжесть миссий в путешествии между мирами.

– Между мирами? – растерянно переспросил я, пытаюсь понять, что он имеет в виду. – Простите... а как такое вообще возможно?

– А вы, Михаил, наверное, думали, что Великое княжество Артанское спрятано где-нибудь в джунглях Африки и обозначает парочку весьма продуктивных алмазных шахт? – хмыкнул Артанский князь. – Неужели я похож на ушлого промышленника-гешефтмахера, который нагреб денег лопатой и нанял себе маленькую личную армию из отставных офицеров и разного рода искателей приключений, которые знают, что нужно делать по обе стороны от мушки?

Я подумал и покачал головой.

– Нет, Сергей Сергеевич, на такого человека вы не похожи. Но ведь всем известно, что других миров не бывает. Вот тут давеча господин Коломийцев сказал, что титул самовластного Великого Артанского князя у вас не самый главный. И я до сих пор нахожусь в сомнениях и по тому, и по этому поводу...

– Великая Артания – это не только «где», но и «когда», – ответил господин Серегин. – Ее столица Китеж-град расположена в конце шестого века в излучине Днепра, прямо у самых порогов – примерно там же, где в твоё время находится город Александровск. Основой для создания первого в том мире государства славян стал племенной союз славян-антов, иначе еще именуемых артанами. В те бесхитростные времена для того, чтобы считаться князем, нужно иметь за душой настоящее княжество.

– Но все равно, Сергей Сергеевич, я не понимаю... – проговорил я, морща лоб и мотая головой от усилий переварить полученные сведения, – не понимаю, как вообще возможно существование различных миров... И даже если по воле Творца такие миры все же существуют, как возможно, чтобы простые смертные могли ходить между ними будто из комнаты в комнату? И, кроме того, даже если ваше княжество находится в шестом веке, я же вижу, что вы сами и многие из ваших людей ничуть не менее цивилизованны и образованны, чем люди нашей эпохи. Мне, человеку с инженерным образованием, такие вещи гораздо более заметны, чем, к примеру, обычному офицеру-армеуту.

Я думал, что господин Серегин обидится на эту мою непонятливость, но он в ответ только хмыкнул и сказал:

– Вы, Михаил, правильно заметили, что все в этом мире делается по воле всемогущего Творца. Я вместе с войском иду через миры по Его поручению, по пути исправляя все, что подлежит исправлению. Больше всего мне нравится отражать вражеские вторжения, как сейчас, но также по приказу Отца мне приходилось смирять Смуту в людских умах и утрясать династические коллизии. Можете считать меня младшим архангелом, земным заместителем Святого Михаила – ибо тот парит в небесах, а я обнажаю свой меч против зла на земле. Вот смотри...

С этими словами Артанский князь с легкой улыбкой на губах не более чем на ладонь подвыдернул свой меч из ножен – и обнажившееся лезвие засияло чистейшим бело-голубым светом, да так, что можно было ослепнуть... У меня захватило дух от этого зрелища, я едва не онемел. Однако все увиденное убедило меня лучше тысячи слов – и теперь я безоговорочно верил в те чудеса Божьи, о которых толковал этот «заместитель архангела Михаила». Он же, убедившись, что я впечатлен, добавил:

– Помимо всего прочего, если это меч обнажить и вздеть над полем боя в самый разгар сражения, то у правой стороны сил и отваги прибавится вдвое против прежнего, а несправедная дрогнет и начнет искать пути к бегству. Но сейчас это преждевременно. Сражение, которое начнется утром, пойдет почти по обычным правилам.

– Да верую я, Сергей Сергеевич, верую! – воскликнул я чуть не плача, – но все равно не могу презреть присягу, данную мной государю-императору...

– Экий вы, юноша, щепетильный, – сказал Артанский князь, – но это и к лучшему. Приму-ка я вас в наше братство кандидатом. У вас – обязанностей никаких, а я, так сказать, возьму над вами шефство и опеку. По крайней мере, если вы, Михаил, и дальше будете так же честно и гордо нести имя русского офицера, то я, в свою очередь, обязуюсь составить вам протекцию. При этом вы всегда сможете переменить решение и принять полную присягу, а у меня изменить свое решение уже не получится.

Я подумал и решил согласиться. А почему бы и нет? Ведь по заслугам протекция, а не по родству или в силу каких-то подлых услуг, о которых не говорят вслух.

– Да, Сергей Сергеевич, думаю, что такой вариант будет наилучшим, – сказал я. – И обещаю вам, что если по окончании войны мне удастся истребовать себе отставку, то я тут же принесу вам полную клятву. А теперь скажите, что я должен делать...

– В данном случае почти ничего, – ответил тот, – только положи руку на рукоять своего кортика.

Едва я успел последовать совету, Артанский князь снова на треть выдернул меч из ножен и торжественно произнес:

– Клянусь тебе, Михаил, что я – это ты, а ты – это я, и я убью любого, кто скажет, что мы неравны друг другу.

В тот момент, когда он это произносил, обнаженная часть меча вспыхнула магниевой вспышкой, от которой, казалось, осветилось все вокруг, а я ощутил вроде бы беспричинную, но твердую уверенность в том, что наше дело правое, враг будет разбит и победа будет за нами.

Мне вдруг захотелось немедленно встать и пойти в бой, и единственное, что этому мешало, была моя раненая нога.

И в этот момент заговорил капитан Коломийцев.

– Сразу хочу предупредить тебя, Михаил Николаевич, – сказал он, – в нашем войске нет ни нижних чинов, ни господ офицеров. Есть рядовые бойцы и их командиры, но все мы тут члены Единства, боевые товарищи, и поэтому равны как перед лицом Небесного Отца, так и перед Сергеем Сергеевичем. По службе командир отдает бойцу приказы, и тот должен их беспрекословно исполнять, но вне службы все мы одинаковы. Впрочем, это только сначала тебе многое будет казаться диким и непонятным, а потом ты к этому привыкнешь, а кое-что даже понравится... Помимо того, что Сергей Сергеевич у нас самовластный Великий князь страны Артании, он носит еще два титула: «Бич Божий» (но это для всяких негодяев) и «бог русской справедливой оборонительной войны» (а вот это уже для нас с вами и как раз про ваш случай).

– Да, именно так, – сухо сказал Артанский князь. – Но это не титулы, а функции. Именно потому я с войском здесь – то, что творится в вашем мире, непосредственно входит в мою профессиональную компетенцию.

Немного помолчав, он вдруг сказал:

– А теперь, Михаил, чтобы тебе было легче привыкать к своему новому положению, и вообще... Вот что: когда утром тут начнется бой, мне понадобится парламентар, которого я пошлю в город объясняться с генералом Кондратенко. Лилия!!!

Хлоп! – и прямо передо мной возникла девочка лет двенадцати в неуместном тут белом атласном платье с рюшами, таких же белых туфлях и газовой накидке, похожей на ту, что носят невесты. Она появилась прямо из ниоткуда! Я с трудом подавил желание протереть глаза. Впрочем, я тут же напомнил себе, что это чудо наверняка далеко не последнее из тех, что меня еще ожидают, так что придется привыкать.

Девочка, бросив на меня беглый взгляд, склонилась в сторону господина Серегина и произнесла:

– Да, папочка... Слушаю тебя и повинуюсь.

– Вот этого молодого человека необходимо в кратчайшие сроки поставить на ноги, сказал тот. – Ни на ванны, ни на другие обычные процедуры времени нет.

Девочка принялась обходить меня по кругу; при этом я чувствовал себя каким-то наглядным пособием, а не живым человеком, и от этого было несколько неуютно.

– Ага, – проворчала она, – экспресс-лечение, значит... А потом сразу на войну. А ты знаешь, папочка, что вы, мужики, настолько безответственные, что готовы месяцами бегать на временной заплатке, пока она у вас не развалится. И ругайся потом из-за вас с Хароном...

Я с изумлением и не без интереса слушал эти малопонятные для меня речи.

Наконец девочка остановилась передо мной, уперла руки в боки и посмотрела на меня сверху вниз.

– Да ты не пугайся, молодой человек! – сказала она и задорно подмигнула мне. – Меня зовут Лилия, мне тысяча лет, но поскольку моя основная специальность – первые подростковые любви, я сохраняю облик девочки-отроковицы. Вторая моя специальность – медицина, которой я занимаюсь факультативно, но, как понимаешь, при практическом стаже в тысячу лет это не имеет значения. Серегин – не мой настоящий отец, а приемный. Он спас нас с мамочкой от домашнего тирана, бога войны Ареса, голыми руками оторвав тому голову и закинув ее в кусты. С тех пор я и произвела его в свои приемные отцы. А теперь, когда с анкетой закончено, давай приступим к делу. Я тут власть, то есть врач...

Я лишь ошарашенно кивал, не успевая даже осознать значение ее слов, сказанных таким тоном, словно речь шла о самых обыденных вещах.

– Только не надо его раздевать, Лилия, – сказал Серегин, – холодновато сейчас, да и ветер совсем не ласковый...

– Только без советов, папочка, сама вижу, – огрызнулась та.

Потом она встала на колени рядом с моей раненой ногой, положив на нее обе руки поверх повязки – и меня тут же прострелила резкая боль, так что я тихо ахнул.

– Терпи, казак! – сказала Лилия, продолжая давить своими руками на рану, – что ж поделывать: экспресс-методы – они такие... болезненные.

Сначала мне хотелось орать и вырываться из ее рук, но я терпел. Потом боль стала постепенно стихать и через некоторое время исчезла совсем. Лилия еще немного помяла мое раненое бедро (впрочем, уже без особых неприятных ощущений), потыкала в него пальцами, после чего удовлетворенно сказала:

– Ну вот и все, молодой человек, готово. Кто-нибудь, помогите ему встать.

Руку мне подал капитан Коломийцев, и – о чудо! – нога вполне держала мой вес, и я мог ходить даже почти не прихрамывая. Пройдясь туда-сюда и убедившись в том, что и в самом деле произошло нечто удивительное и меня действительно вылечили, я повернулся к госпоже Лилии и, склонив голову, произнес:

– Мадмуазель! Примите, пожалуйста, уверения в мое глубочайшей признательности и будьте уверены, что я никогда не забуду оказанной мне услуги...

– А вы воспитанный молодой человек, – ответила та, протягивая руку для поцелуя, – но все же не забудьте о главном. Заплатки, которую я вас сейчас поставила, хватит не больше чем на месяц. Поэтому сразу после того, как Серегин оторвет все нужные головы, попрошу явиться к нам в Тридесатое царство для прохождения полного курса лечения. И вообще – чем раньше вы это сделаете, тем лучше...

05 декабря (22 ноября) 1904 год Р.Х., день первый, 10:35. Порт-Артур.

Начальник сухопутной обороны генерал-лейтенант Кондратенко Роман Исидорович.

Едва над сопками заалел восток, японцы принялись доделывать незаконченное вчера дело на горе Высокой. Уж как я ни упрашивал Анатолия Михайловича (*генерал Стессель*) дать из резерва несколько рот подкрепления, он резонно возражал, что сия гора крайне плохо приспособлена к обороне, а посему выделенное подкрепление даст отсрочку всего на один день, и потери японцев при этом будут ненамного больше наших. Но я решил самостоятельно собрать подкрепления для гарнизона горы и, как начальник сухопутной обороны, отдав соответствующие указания, прибыл в штаб Западного Фронта, что располагался в казармах 5-го восточно-сибирского стрелкового полка, находящихся прямо у дороги на гору Высокую, аккурат между Рыжей горой и укреплением № 4. Вместе со мной был генерал-майор Ирман, которому и предстояло возглавить формируемый сводный батальон.

Но мы не успели. Часов в восемь утра по вершине горы, разбивая наши и так полуразрушенные редуты, заговорила японская артиллерия. Стреляла она не слишком часто и не более часа, а потом, выставив вперед штыки и оскалив зубы, в гору поперла вылезшая из осадных траншей японская пехота. Протяжные вопли «банзай!», уже изрядно приглушенные, были отчетливо слышны, ибо в атаку разом пошли несколько тысяч японских солдат – все, что осталось от седьмой пехотной дивизии, изрядно потрепанной при предыдущих штурмах. Шагая в гору, японские солдаты подбадривали себя дикими воплями, ведь ступать им приходилось буквально по трупам своих приятелей. Предыдущие штурмы дорого обошлись не только нам, но и японским войскам.

И тут случилось невероятное. Гарнизон горы Высокой ответил им не отдельными ружейными выстрелами, как можно было предполагать по предыдущим нашим потерям, а злой и частой ружейной стрельбой, в которую вплетались очереди множества(!!!) пулеметов. Было

впечатление, что ночью злосчастную гору заняла свежая стрелковая бригада, усиленная как минимум двумя пулеметными батареями⁵.

Судя по тому, что все закончилось весьма быстро, первую японскую атаку неизвестные солдаты, занявшие гору Высокую, отбили просто играючи. Неизвестные – потому, что в Артуре просто не было свежей стрелковой бригады с пулеметами, которая могла бы занять позиции на горе Высокой и устроить японцам столь неприятный сюрприз. Предположение о том, что это сошли с кораблей моряки, взяв с собой свои пулеметы, было отвергнуто по двум соображениям. Во-первых, идти сводному отряду моряков на Высокую надо было как раз мимо казарм 5-го полка, а этого нельзя проделать незаметно, ибо другой дороги из города на Высокую тут нет. Во-вторых, командующий эскадрой контр-адмирал Вирен – жестокий педант, и такие партизанские акции противоречат его натуре. На такое мог бы пойти командир «Севастополя» каперанг фон Эссен, но тот готовит свой броненосец к прорыву и ему сейчас совсем не до сухопутных эскапад. К тому же, судя по частоте ружейной стрельбы⁶, там сейчас должны были держать оборону разом команды всех кораблей Тихоокеанской эскадры.

После отбитой атаки на полчаса установилось затишье: наверное, японцы тоже усиленно пытались сообразить, что же все-таки происходит. Потом генерал Ноги, очевидно, понял, что у него прямо из-под носа украли все самое вкусное, положив взамен кукиш – и, рассвирепев, приказал открыть по Высокой огонь из всех орудий, что могут стрелять, включая одиннадцатидюймовые мортиры. Прежде подобное неизменно приводило его к успеху, ибо у наших войск на этой горе не было никакой защиты от серьезного артиллерийского огня.

И тут с наших глаз словно спала пелена – и мы увидели на обратном скате горы, обращенном в сторону Нового города, шесть будто вдавленных в склон ровных площадок, а на них были установлены странные устройства, больше похожие на задранные в небо обрезки толстых труб. В бинокль можно было наблюдать, как солдаты в неизвестной нам буро-оливковой форме закладывают в эти трубы обтекаемые рыбообразные снаряды, а секунду спустя те самопроизвольно разражаются выстрелами. А вот это уже не лезло ни в какие ворота... Эти изделия настолько же превосходили устройство капитана Гобято, как винтовка Мосина превосходит игольчатое ружье Дрейзе. Да и присутствие на склоне горы солдат в неизвестной форме говорило о том, что происходит что-то неправильное. Откуда здесь могла взяться неизвестная иностранная армия, которая вдруг, не объявляя о своем присутствии, взяла на себя труд воевать вместе с нами против японцев?

Пока шла эта артиллерийская дуэль, к казармам пятого полка постепенно подходили интересующиеся происходящим другие старшие офицеры крепости, не занятые на своих участках, а также прибывали небольшие сводные отряды, которые по моему приказанию собирали для отправки на помощь гарнизону горы Высокой. И лишь генерал Стессель (как бы⁷ начальник Квантунского укрепленного района) и генерал Фок (командир дивизии, занимаю-

---

⁵ Первые пулеметы «максим» в русской армии монтировались на артиллерийских лафетах и организовывались в батареи по восемь единиц. Тогдашнее военное «светило» генерал Драгомиров в силу своей старческой косности считал, что поскольку вражеского солдата нельзя убить более одного раза, то скорострельное оружие ведет только к ускоренной трате патронов. Отсюда и батареи: пока их введут в бой, все может уже и кончиться, пехота с ружьями справится сама, и патроны останутся нерастраченными. А если отдать пулеметы в стрелковые роты, то их командиры прикажут палить почему зря.

⁶ Беглый ружейный огонь из самозарядных «супермосиных» ведут только амазонские стрелковые роты, у которых один выстрел равен одному вражескому трупу. При этом штурмовые роты, имеющие на вооружении реплики винтовок Бердана, сидят в окопах тихо: если японцы сблизятся на дистанцию штыковой схватки, их дело – дать один залп в упор, метнуть гранаты, а потом лезть из траншей разбираться в рукопашной с уцелевшими «сынами богини Амастерасу».

⁷ Генерала Стесселя от должности коменданта Квантунского Укрепрайона наместник Алексеев вроде бы отстранил, но тот отказался исполнять приказ и отправляться на миноносце в Чифу, продолжая исполнять прежние обязанности. С одной стороны, это говорит о пофигизме, который пронизал управляющую верхушку Российской империи, а с другой, о том, что некто, еще более влиятельный, чем адмирал Алексеев, считал, что место генерала Стесселя именно в Порт-Артуре, а не в каком-то ином месте.

щей северный участок обороны) не торопились явиться сюда и полюбопытствовать, что же все-таки творится в окрестностях горы Высокой.

Тем временем стало очевидно, что снаряды, выпущенные неизвестными «трубами», падают как раз туда куда надо, потому что артиллерийский огонь японцев стал стихать, и первыми заткнулись как раз осакские гаубицы. При этом где-то в районе Трехголовой горы раздался сильный грохот – и в небо поднялся грандиозный столб черного шимозного дыма. Несомненно, один из этих рыбообразных снарядов угодил прямо в склад бомб⁸, что могло означать конец для одной из вражеских тяжелых осадных батарей. И как раз в этот момент на дороге, ведущей к нашим позициям с вершины горы, показался человек в мундире нашего морского офицера. Прихрамывая, он поспешал в нашу сторону, и я подумал, что это как раз тот, кто даст мне ответы на все возможные вопросы. Когда он приблизился, то оказалось, что это собственной персоной последний комендант Высокой младший инженер-механик Лосев с броненосца «Ретвизан».

Будь тут генерал Фок, он непременно затопал бы на младшего инженера-механика ногами, замахал руками и закричал – почему, мол, такой-сякой инженер-механик оставил введенную ему позицию и сейчас в полном одиночестве отступает в тыл? Но я-то не Фок. Сначала спрошу (причем то же самое и вполне вежливо), и перейду к взысканиям только в том случае, если его ответ меня не устроит.

Впрочем, господин Лосев и не собирался прятаться. Увидав мою особу, стоящую в окружении господ офицеров, он со всей решительностью зашагал в нашу сторону.

– Ваше Превосходительство, имею честь доложить, что произошло чудо! – отрапортовал он.

– Что-что произошло, молодой человек? – не понял я. – Выражайтесь, пожалуйста, яснее.

– Произошло чудо, Ваше Превосходительство! – повторил тот, – к нам на выручку из другого мира прибыл самовластный великий князь страны Артания Сергей Сергеевич Серегин с войском. Пока что на гору Высокая им введен один полнокровный пехотный легион со средствами усиления, одной минометной и одной гаубичной батареей, остальная армия ожидает в резерве с прикладом у ноги.

В ответ на это заявление окружающие меня офицеры возроптали, выражая высшую степень недоверия, а вот я, если можно так сказать, усомнился в сомнениях. Ведь кто-то же там, на Высокой, с японцами сейчас воюет, и этот факт не опровергнуть никаким возмущенным ропотом...

– Хорошо, – сказал я, прекращая шепотки, – предположим, что так и есть. Тем более что кто-то там сейчас с японцами вполне себе бодро воюет. Пусть это будет некий Великий князь Артанский. Гипотеза не хуже иных прочих. А вы юноша, докладывайте дальше. Какова численность этого пехотного легиона? Что это за войско и как оно вооружено? И самое главное, кем на самом деле является этот самый самовластный Великий князь Артанский, ведь такой страны нет на карте мира? Говорите, мы ждем. Неужели из вас необходимо тянуть клещами каждое слово?

– Ну как вам сказать, Ваше Превосходительство... – замялся молодой человек, – давайте я по порядку отвечу на ваши вопросы, начиная с последнего, а вы не будете меня прерывать, потому что после того, что я увидел за последние несколько часов, у меня у самого голова идет кругом. Начнем с того, что, как говорит сам господин Серегин, Артания – это не только «где», но и «когда». Столица этого древнеславянского государства Китеж-град расположена в конце шестого века, в нижнем течении Днепра, примерно там, где сейчас находится город

---

⁸ На японских фотографиях осадных одиннадцатидюймовых батарей видно, что снаряды сложены штабелями прямо на грунте в не перекрытых прямоугольных котлованах двухметровой глубины. При обстреле морскими орудиями, ведущими настильный огонь, такая конструкция почти безопасна, а вот 120-мм минометная мина, угодив в подобное хранилище, вполне способна устроить большой «бум», целиком уничтожив двухорудийную батарею.

Александров (*Запорожье*). И сам великий князь Серегин там тоже не местный. Он пришел в тот мир вместе с уже готовым конным войском спасать от уничтожения аvaraми племенной союз славян-антов, и так хорошо это сделал, что местная боярская старшина выкрикнула его на княжество, как когда-то новгородцы избрали себе в князья Рюрика. Но Серегин оказался умнее основателя русской державы и не согласился на обычные по тем временам правила, когда князя можно позвать, а можно прогнать: он потребовал себе у артанских бояр права самовластного государя, равные правам константинопольского кесаря, а иначе, мол, пусть ищут защитника в другом месте.

– Нахал... – покачал головой генерал Ирман, – и что, местные бояре согласились на его условия?

– Да, – подтвердил инженер-механик Лосев, – согласились, ибо за аvaraми шли другие кочевые орды, еще более многочисленные и свирепые, и лучшие люди артанской земли решили, что самовластный князь с сильным войском – это все же лучше, чем полное разорение. Я лично встречался с артанскими боярами Добрыней и Ратибором, которые правят в Артании, пока их князь воюет в чужих землях, и они подтвердили, что Серегин действительно самовластный великий князь Артанский, получивший свой титул по древнему праву.

– Ну, если это так, – сказал полковник инженерной службы Рашевский, один из умнейших людей в Порт-Артуре, – то оспаривать великокняжеский титул господина Серегина будет себе дороже, ибо на подобном прецеденте как на фундаменте зиждется вся российская государственность. И, кстати, о множественности миров писал еще милейший Джордано Бруно – и, видимо, не зря, храня эту тайну, инквизиция сожгла его на костре. Но вот мне до сих пор решительно непонятно, как это возможно – что между этими мирами ходит обычный смертный человек...

– Великий князь Артанский не совсем смертный человек, – с мрачным видом произнес Лосев, – одна половина его смертная, но если глянуть с другой стороны, то оказывается, что это младший архангел, поставленный Творцом всего Сущего оберегать Российскую державу. И две этих сущности присутствуют в нем нераздельно и неслиянно. При личной встрече сразу ощущается исходящая от князя сверхъестественная сила. Кстати, господин Рашевский, доказательством сверхъестественных способностей князя Серегина и некоторых его приближенных могут служить траншеи, ходы сообщения, пулеметные гнезда и капониры, за одну ночь появившиеся на вершине Высокой. При этом должен заметить, что все эти сооружения не выдолблены кирками или ломами в каменистом грунте, не отлиты в бетоне, а выдавлены в скале будто в мягкой глине. В то время как солдаты Артанского князя сидят в глубоких траншеях, японская артиллерия продолжает достреливать остатки наших старых редутов на гребне горы. Сам князь надземных сооружений не строит – говорит, что они легко могут быть разбиты артиллерийским огнем, а из матушки-земли русского солдата еще надо суметь выковырнуть.

– Скорее всего, так и есть, – вздохнул полковник Рашевский, – за время злосчастной Артурской осады стало понятно, что осадные гаубицы японцев с легкостью разрушают все наши оборонительные сооружения. Непонятно другое. Вы же сами инженер. Скажите, как до такой истины мог додуматься человек, как вы сами сказали, шестого века, когда и артиллерии еще никакой не было и фортификации старались сделать не сколько прочными, столько высокими? Насколько я помню, в те времена большинство крепостей брались измором, а не штурмом...

– Позвольте, я выскажу свои соображения, Сергей Александрович, – сказал Лосев, – насколько я понимаю, Артанский князь Серегин по своему происхождению никакой не выходец из шестого, или какого другого прежнего века, поэтому не стоит смотреть на него как на дикаря, который не понимает, во что вмешивается. По моему просвещенному инженерному восприятию, этот человек или наш современник, или происходит из еще более поздних времен. Второе даже более вероятно. А еще, судя по поведению, он кадровый офицер, а не какой-

нибудь шпак, временно надевший форму, и уж тем более он совсем не похож на внезапно обогатившегося нувориша, решившего обзавестись собственной армией...

– Да уж... – хмыкнул недавно подошедший к нам генерал Белый, – прямо сказки Пушкина, юноша, или сон в летнюю ночь. А это ваш Артанский князь напоминает какого-то сказочного королевича Елисея, или, если точнее, Ивана-царевича.

– Все это я видел наяву собственными глазами, господин генерал! – вспыхнул господин Лосев и широко перекрестился. – Вот вам в этом святой истинный крест. Кроме того, я лично был свидетелем еще нескольким чудесам. Вчера днем, во время обстрела между предпоследним и последним штурмом, я был тяжело ранен осколком в бедро. И от этой раны меня всего за несколько минут наложением рук излечила весьма экстравагантная особа лет двенадцати от роду, если судить по внешнему виду. При этом она сказала, что такое быстрое лечение – это лишь временная заплатка, которой хватит не более чем на месяц, а потом необходимо явиться к ней в так называемое Тридесятое Царство для прохождения полного курса процедур. Второе чудо заключается в том, что я сам ходил между мирами – так, как обычные люди в доме через двери ходят из комнаты в комнату. Видел и то самое чрезвычайно жаркое Тридесятое Царство, пил из фонтана живой воды в тамошнем Запретном Городе, видел армию престранных девиц семи футов роста, уши которых остры как у лисиц. Еще я побывал в Китеж-граде, где сейчас зима и лежат саженные сугробы, и смотрел на засыпанный снегом город с третьего этажа великокняжеского терема. Также я был в третьем эксклаве Артанского князя, в Крыму весны тысяча шестьсот восьмого года, и своими глазами наблюдал изготовленную к бою армию, которой командует прославленный русский генерал князь Петр Багратион. Господин Серегин подобрал его на поле Бородинской битвы, вылечил своими магическими способами и назначил командующим всем Артанским войском. Там собрано не менее ста тысяч штыков, двенадцать тысяч всадников отличнейшей кавалерии, тяжелые боевые машины, и многочисленная артиллерия, готовые по получении приказа вступить в войну для того, чтобы склонить весы на нашу сторону.

– Погодите, молодой человек... – сказал генерал Ирман, – если войска стоят в резерве, то это не значит, что они будут брошены в бой. Примером тому и наши генералы: Фок со Стесселем, которые умеют только пятиться и боятся дать японцам сдачи. Так же ведет себя и командование Маньчжурской армии, которое с момента Тюренческого боя занято только отступлениями и готово продолжать их хоть до Читы.

– Из того, что я успел узнать, Артанский князь Серегин – человек чрезвычайно решительный, – веско сказал Лосев. – И, кроме всего прочего, над ним не довлеет никаких обязательств, кроме преданности России во всех ее видах. Тщательно взвесив все обстоятельства, он рубит по живому твердой рукой сплеча, невзирая на последствия. Ни в одном из тех миров, где ему довелось побывать, история более не идет по прежнему пути. Одни царства им были созданы из ничего, другие полностью разрушены, в третьих сменились владыки, четвертые из врагов стали для России друзьями. И в то же время Артанский князь милосерден к слабым и убогим. Вбив в землю побежденный народ по самые ноздри, проявляет заботу о вдовах и сиротах, чтобы те выросли полезными членами общества...

– Погодите, молодой человек, – прервал я, – уж больно страшную картину вы нарисовали. Наделенный сверхъестественными способностями авантюрист с наклонностями Чингисхана вместе со своей армией ломится через миры как медведь через камыши, повсюду устанавливая свои порядки. Возможно, ваш господин Серегин и в самом деле русский патриот, приходящий на помощь Отчизне в самые трудные моменты ее существования, но кто даст гарантию того, что этот человек не решит сместить с трона государя-императора Николая Александровича, чтобы заменить его более приемлемой фигурой, или вообще учредить у нас республику?

– В данный момент, Роман Исидорович, это абсолютно неважно, – раздался позади меня твердый уверенный голос, – судьбу императора всероссийского я буду обсуждать только с ним

самим и больше ни с кем. Сейчас наша с вами забота, господа – это судьба крепости Порт-Артур...

Обернувшись, я увидел возле дороги престранную компанию. Впереди остальных стоял мужчина неопределенного возраста, одетый в военный мундир буро-оливкового цвета без знаков различия. Поверх мундира на незнакомце был надет странный жилет того же цвета с множеством карманов, а кобура для револьвера располагалась не у пояса, как положено, а у левой подмышки. Отдельной деталью был меч в потертых ножнах, висящий у правого бедра незнакомца. Вот именно что меч, а не сабля или шпага... При этом длинные руки и широкие кисти этого человека наводили на мысль, что этот меч отнюдь не церемониальное оружие.

Рядом с мужчиной стояла женщина, одетая точно в такой же мундир. То есть о том, что это именно женщина, я догадался далеко не сразу. Короткая стрижка, упрямо сжатые губы... и тоже меч на бедре, но несколько иного вида. Глядя на эту особу я вдруг подумал, что стоит ее как следует разозлить – и она сама станет оружием, бомбой страшной разрушительной силы.

Чуть позади и в стороне от этих двоих стояло трое отроков, находящихся на грани того возраста, когда у мальчиков начинают пробиваться усики и ломаться голос. Почему-то на ум пришло слово «пажи». Сейчас это не модно, но в тех временах, откуда, по словам господина Лосева, к нам явился Артанский князь Серегин, выводок пажей имел при себе каждый уважающий себя монарх, и с этой должности начинались многие блестящие карьеры. По сопровождающим этих пятерых нижним чинам чужой армии, держащимся чуть позади своих начальников, я лишь бегло мазнул взглядом, не удостоивая их особым вниманием. Экипированы они были почти так же, как и их командующий, отличаясь от того наличием винтовки за плечом и глубокого стального шлема на голове.

– Господа! – вдруг неожиданно звонким гласом выкрикнул младший инженер-механик Лосев, – дозвольте представить вам самовластного Великого князя Артанского Сергея Сергеевича Серегина...

– Вольно, юноша, – отозвался Великий князь Артанский (во мне при этом что-то такое екнуло), – я, собственно, господа, зашел к вам сказать, что лед тронулся. Несколько минут назад мои минометчики вклепили мину прямо в командный пункт генерала Ноги, когда он там проводил совещание с командирами дивизий. Триалинит – суровая штука. Если кто из генералов и выжил, то командовать он точно не сможет. Теперь, пока не пришлют замену, японская осадная армия превратилась в курицу без головы, а я получил полную свободу действий в вашем мире.

– Простите за вопрос, господин Серегин... – сказал вдруг генерал Белый, – а что такое триалинит?

– А это, Василий Федорович, такая высокотемпературная взрывчатка повышенной брыззантности, – ответил Серегин. – Пригодна как для снаряжения артиллерийских боеприпасов, так и для создания безоболочечных устройств. Начиненный триалинитом фугасный снаряд от четырехфунтовки рвется с силой, свойственной восьмидюймовому снаряду с пироксилиновой начинкой. Но сейчас это неважно. Я пришел к вам сюда для того, чтобы пригласить к нам – показать товар лицом и обсудить сложившееся под Порт-Артуром положение Романа Исидоровича Кондратенко, Сергея Александровича Рашевского и Василия Федоровича Белого. Это ненадолго, часа на два-три. Ведь есть сведения, сообщать которые младшему офицеру просто опасно, как бы патриотичен он ни был. Ну что, Роман Исидорович, вы согласны?

Меня уже давно одолевало жгучее желание посмотреть все своими глазами и потрогать собственными руками.

– Да, Сергей Сергеевич, – без малейшего колебания ответил я, – согласен.

– Тогда идемте, – сказал Артанский князь, – здесь недалеко. Одна нога здесь, другая уже там. А остальные господа офицеры пока пусть расходятся по своим частям и начинают готовиться к лучшей жизни...

05 декабря (22 ноября) 1904 год Р.Х., день первый, 14:05. окрестности Порт-Артура, гора Высокая (она же по-японски «высота 203»).

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Говорил господам генералам и полковникам, что мина в штаб генерала Ноги попала случайно, я немного лукавил. В эти пока еще пасторальные времена большинство «благородий», «высокоблагородий» и «превосходительств» не одобрили бы массового убийства вражеского высшего командного состава. Но в то же время я держал в памяти, что сам Ноги даже не поморщился, организовав массированную бомбардировку форта № 2 осакскими гаубицами, в то время как там проводил совещание генерал Кондратенко. Так что когда моя энергооболочка выявила в структуре японского командования точку откуда волнами расходятся распоряжения, рука моя не дрогнула. Контролировать мину, идущую по крутой траектории – не такое уж и сложное, для меня занятие, так что в том залпе мы имели четыре близких разрыва и два фактически прямых попадания в генеральский командно-наблюдательный пункт. Как говорится – брызги веером. И мы еще разберемся с тем поцом, который в нашей истории слил японской разведке информацию о совещании в форте № 2 с участием генерала Кондратенко. Но самому доброму гению Порт-Артурской обороны об этом говорить не надо: меньше знает, крепче спит.

Однако я ничуть не лукавил по поводу того, что с момента смерти генерала Ноги получил в этом мире свободу. Если раньше порталы открывались только в непосредственной близости к вершине «высоты 203» избранной исходной точкой для инвазии, то теперь, когда этот мир вышел из Основного Потока и обрел собственное существование, такие ограничения оказались аннулированы. В силу это я и смог открыть локальный портал с вершины горы к казармам, у которых собрались генералы. Можно долго убеждать людей в своем сверхъестественном могуществе, но стоит один раз провести их хотя бы через локальный портал, как все вопросы разом отпадают. По крайней мере, Кондратенко, Белый и Рашевский следом за мной преодолели одним шагом два с половиной километра, разом растеряли весь свой скепсис и оказались готовы к полному сотрудничеству. И, кстати, теперь, если мне вздумается, то я смогу заглянуть с рабочим визитом в Зимний дворец к императору Николаю, или же во дворец Кодзе к его японскому коллеге Мацухито, – но только мне ни туда, ни туда пока не надо.

Для встречи с Николаем необходимо предварительно навести порядок в Порт-Артуре и одержать небольшую победу, откинув японскую осадную армию хотя бы на рубеж Волчьих гор. Конечно, можно было бы ввести в бой все мои наличные силы, поднапрячься и размолотить японцев в мелкий фарш, но уже излишний энтузиазм. Я должен помочь местным русским разобраться с их проблемами, поспособствовать тому, чтобы они набрали опыт и мощь, а не одерживать победы вместо них. И ведь мало разгромить японские армию и флот, водрузив над развалинами Токио знамя победы, – после этого нужно распутать клубок скорпионов и ехидн, плотно свернувшийся вокруг местного правящего семейства. И это будет посерьезнее победы над Японией; пожалуй, чем-то таким я занимался только когда разруливал на Руси первую Смуту. Вот и пригодится былой опыт. Что касается японского императора, с ним мне предстоит встретиться только после того, как поражение Японии станет очевидным даже для дилетантов и придет время диктовать побежденным условия капитуляции. Делать это раньше просто бессмысленно.

С точки, куда нас вывел портал, весь вылепленный нами УР был как на ладони: опорные пункты, изломанные линии траншей, фланкирующие пулеметные гнезда с противошрапнельными перекрытиями; заполняющие оборону легионеры Велизария были видны невооруженным глазом. С других сторон маскировка была идеальна, и вражеские артиллерийские наблюдатели не могли разглядеть ничего, кроме старых русских редутов и каменной стенки, выстроенной еще незабвенным капитаном Лиллье. Вот в них японские пушки и долбили как дятлы в бетонный столб, а наша оборона стояла цельная, не считая отдельных воронок от

мест падения шальных снарядов. А ниже траншей склон горы сплошную устилали кровавые последствия нескольких дней непрерывных вражеских атак. После войны японское начальство долго занималось самооправданиями. Свои потери они занизили в разы (русские настолько же завысили), а «высоте 203» приписали долговременные оборонительные сооружения. Посмотрим, что японские генералы будут делать, обнаружив, что эти укрепления появились на этой горе на самом деле, а не только в их бредовой фантазии.

– Вот, господа, – сказал я, обводя рукой окрестности, когда мы оказались на вершине «высоты 203», – любуйтесь: узел полевой обороны по стандарту моих родных времен, рассчитанный на боевые возможности армий моего времени. Правда, тут не хватает отдельных элементов, но они в начале двадцатого века и не нужны, так как до тяжелых сухопутных мониторов и атак с воздуха ваш мир еще не дорос.

– И каковы же эти боевые возможности? – спросил генерал Белый, явно впечатленный и всем увиденным, и моими комментариями, – по крайней мере, в отношении артиллерии – ибо как я понимаю, ваше укрепление рассчитано на обстрел орудиями весьма крупного калибра?

– Ну как вам сказать, Василий Федорович... – сказал я в ответ, – самый мелкий калибр в ствольной артиллерии моего времени – сто двадцать два миллиметра, а по-вашему – сорок восемь линий. Такими гаубицами комплектуются артиллерийские дивизионы огневой поддержки в пехотных полках. В дивизионных артполках – орудия шестидюймового калибра, в артиллерии резерва главного командования – от шести до восьми дюймов. О трехдюймовых орудиях и прочем мелком калибре, за исключением автоматических пушек, все давно забыли и даже не вспоминают.

И тут неожиданный вопрос задал инженер Рашевский.

– Сергей Сергеевич, позвольте узнать, какие же времена на самом деле вам родные? – довольно интеллигентно поинтересовался он. – А то у нас об этом имеются весьма разные мнения. При этом лично я согласен с теми, кто говорит, что вас ни в коем случае нельзя признать за выходца из шестого века или каких-то иных предшествующих нам времен.

– Сто двенадцать лет тому вперед от нынешнего момента, – сухо сказал я, – так что...

– Мы у вас как на ладони, – невесело засмеялся Рашевский, остальные же переглянулись между собой.

– Да, так и есть, – кивнул я, – но не только из-за моего происхождения из будущих времен. Я же зарекся делать хоть какие-то выводы, исходя только из штудий исторических трудов. История – это тоже политика, только развернутая в прошлое, тем более что пишут ее, как правило, победители, а не побежденные. Поэтому все свои судьбоносные решения я принимаю на основании сведений, полученных с помощью классических методов и моих дополнительных способностей...

– Говоря о дополнительных способностях, вы имеете в виду... колдовство? – осторожно спросил Рашевский.

– Сергей Александрович, никогда больше не повторяйте этого слова в нашей компании, – глухим голосом произнес я. – Колдун получает энергию для своих манифестаций, извлекая ее из других живых существ – либо убивая их, либо частично лишая сил и воли. Самый мерзкий вид колдовства – это человеческие жертвоприношения. В противовес колдунам Высшие маги извлекают энергию напрямую из пронизывающих вселенную энергетических потоков, протекающих между полюсами хаоса и порядка. Где-то такие потоки очень густы, и магия в тех мирах – самое обычное дело; где-то, как здесь, их почти нет...

– Но как же тогда вы, Сергей Сергеевич, имеете возможность творить свои, чудеса, если как вы говорите в нашем мире нет так необходимых вам магических потоков? – перебил меня Рашевский.

– Ну как вам сказать, Сергей Александрович... – пожал я плечами, – на ваш вопрос имеется сразу три ответа. Первый ответ стоит прямо рядом с нами. Это госпожа Кобра, она же

Темная Звезда, в миру Ника Константиновна Зайко. Будучи иницированным магом огня высшей категории, она из любого мира способна дотянуться до Горнила Хаоса, чтобы зачерпнуть оттуда необходимое количество энергии. Второй ответ – это вон тот ящик на ножках, похожий на заводную шарманку. Это механический генератор магии, производящий энергию так же, как динамо производит электричество, в дикой природе встречающееся только в виде молний. Третий способ таков: из того мира, где магия присутствует в достаточном количестве, необходимо взять прирученного духа стихии и подселить его в такое место, где он сможет жить естественной для себя жизнью. Духу огня необходим извергающийся вулкан, духу воды – водопад или речные пороги, духу воздуха – такое место, где ветер дует непрерывно и с большой силой. Но в вашем мире мы к этому способу прибегать не будем, ибо первыми увеличением магического фона воспользуются как раз злые силы. Ломать проще, чем строить, а недостаток естественной энергии такие персонажи всегда готовы восполнить самым мерзким колдовством. Выдавливая в земле лежащий перед вами укрепленный район, мы воспользовались помощью госпожи Кобы, повседневные нужды обеспечивает механический генератор, накрывающий только ближайшие окрестности, и, кроме того, каждый маг имеет при себе некий магический резерв, способный некоторое время поддерживать его деятельность. На этом я предлагаю считать исчерпанным обсуждение вопросов магии в связи с их практической неприменимостью и перейти к вопросам более практического свойства.

– Э нет, Сергей Сергеевич, – возразил Кондратенко, – так дела не делаются. Вы хотя бы намекните на то, как выходец из двадцать первого века, русский патриот и офицер, вдруг смог получить способности, приведшие его к должности младшего архангела и титулу Великого князя Артанского... А-то как же мы сможем с вами общаться, когда мы о вас не знаем ничего, а вы о нас все?

– Ну хорошо, Роман Исидорович, – сказал я, – если вы так настаиваете, то слушайте. Только предупреждаю, что это будет весьма краткое изложение наших приключений. На полную версию потребуется не один день подробнейшего рассказа, а столько времени у нас сейчас нет...

Тот кивнул и ответил:

– Думаю, что после уже продемонстрированного нам чуда мгновенного перемещения и видом устроенных вами укреплений мы с господами Рашевским и Белым будем согласны и на краткую версию ваших приключений, ведь после таких фактах правдой в вашем рассказе могут оказаться даже самые невероятные вещи.

Ну, я им и рассказал – вкратце, галопом по европам; сводил в Тридесятое царство, в Крым мира Смуты и в засыпанную снегом Великую Артанию, где над незамерзающим Днепром играют разноцветные магические сполохи. При этом я представил Кондратенко и его спутников отцу Александру, мисс Зул (вот это был шок), моему начальнику штаба полковнику Половцеву, командиру танкового полка подполковнику Седову, командующем первым ударным легионом стратегу Велизарию, а также генералу князю Багратиону, армия которого в Крыму мира Смуты ожидала приказа с прикладом у ноги. Проблема была в том, что гладкоствольные ружья образца 1809 года сто лет спустя совершенно не котируются, а более совершенной стрелковки, адекватной началу двадцатого века, в достаточном количестве у меня не имеется.

В конце концов, когда генерала Кондратенко и его спутников, совершенно обалдевших от всего увиденного и услышанного, вернули обратно в тысяча девятьсот четвертый год на «высоту 203», там творилось бурное действо, именуемое «бодание японским бараном новых русских ворот». Японцы снимали отряды солдат с остальных участков, перебрасывая их к осадной параллели у подножия высоты – оттуда они поднимались живыми волнами и бежали вверх по склону, только для того, чтобы умереть под пулеметными очередями и убийственно частой и меткой стрельбой амазонских оторв. Японская артиллерия изо всех сил лупила по

тому, что считала узлами сопротивления, и сама несла немалые потери в ходе контрбатареинной борьбы. Введенные мною на плацдарм минометная и гаубичная батареи подавляли противника убийственно меткой стрельбой, вдребезги размолотив огневые позиции японцев у Трехголовой горы, но на других участках японского осадного фронта намечались очевидные признаки подготовки к передислокации артиллерийских батарей. Японское командование, или то, что от него осталось, явно собиралось или любой ценой взять эту гору, превратившуюся для него в идею-фикс, или положить у ее подножья всю третью армию.

Запросив энергооболочку, я получил ответ, что, прибыв генерала Ноги и всех командиров дивизий, я совершенно упустил из виду начальника штаба третьей армии генерал-майора Иддити, который и развил такую бурную деятельность. В самом начале войны этот японский генерал руководил высадкой первых десантов в Чемульпо, где немало преуспел в своей карьере. При этом погибших командиров дивизий заменили командиры первых бригад, отсутствовавшие на том злосчастном совещании. Оценив обстановку, я тут же приступил к исправлению недоделок. На самом деле такая бурная активность японцев была мне весьма на руку. До наступления темноты я собирался стойко отражать истерические атаки противника на нынешних позициях, укладывая вражескую пехоту штабелями, а вечером, перейдя в контратаку с применением танков, артиллерии и панцирной кавалерии, отбросить правый фланг японской осадной армии на те самые рубежи, которые она занимала в начале августа, еще до первого штурма Порт-Артура. Самым ценным трофеем для меня при этом станут несколько десятков тысяч винтовок «арисака», пока еще бесполезно валяющихся вместе с трупами японских солдат на ближних подступах к «высоте 203». Вот эти-то винтовки и послужат началом решения проблем с вооружением армии генерал Багратиона. Первоначально я планировал найти необходимое мне оружие на складах крепости, но трофеи, взятые у врага на поле боя, все же предпочтительней. Да и осадные пушки, которые японцы с превеликим энтузиазмом тянут сейчас на свой правый фланг, для меня лишними тоже не будут.

Сообщив об этом и так перегруженному впечатлениями генералу Кондратенко и его спутникам, а также договорившись о будущей встрече, я выпроводил своих гостей обратно в Порт-Артур тем же путем, каким и привел, а сам принялся готовить ночной контрудар по японцам. Ужо у меня незваные гости сегодня узнают, в какие края на зиму улетаются русские раки...

05 декабря (22 ноября) 1904 год Р.Х., день первый, 17:45. Порт-Артур, штаб крепости.

Как говорит народная артанская поговорка: «Если над ухом у спящего немного погремать железными ведрами, тот обязательно проснется.» А ведь над ухом у генерала Стесселя гремели далеко не ведром. Ожесточенное сражение за гору Высокую продолжалось от рассвета и до сего момента, невзирая на наступление темноты. Еще утром казалось, что бой через короткое время затихнет (хотя бы по причине истощения защитников русских позиций), но грохот боя все длился и длился, лишь с небольшими перерывами. И хоть орудия в редутах на вершине горы были давно разбиты, в ответ японцам тоже гремели пушки.

Этот неожиданно упорный бой вселял в Анатолия Михайловича (*Стесселя*) смутное ощущение чего-то неправильного. Ведь он распорядился не давать более резервов на усиление гарнизона Высокой. А кто же это тогда сейчас там воюет, если еще вчера было решено сдать эту гору, буквально обескровливавшую гарнизон своим требованием резервов – ибо любой обороне, даже самого выгодного укрепленного пункта, однажды непременно приходит конец. По крайней мере, так говорил Александр Викторович (*Фок*). Правда, Роман Исидорович (*Кондратенко*) имеет по этому вопросу прямо противоположное мнение, считая, что сопротивляться супостату необходимо из последних сил, пока еще в крепости имеются запасы продовольствия и патронов, а дух солдат высок как никогда. Именно поэтому генерала Кондратенко он, Стес-

сель, назначил начальником всей сухопутной обороны, а Александра Викторовича Фока держал при себе в резерве. Сдать крепость, не исчерпавшую всех возможностей к сопротивлению – фи, какой моветон... Так и под военно-полевой суд недолго загреметь.

Сам генерал Стессель, более тяготевший к административной работе, в дела обороны предпочитал не вникать, полагаясь на доклады генерала Кондратенко: ведь он – начальник сухопутной обороны, ему и карты в руки. Освободившись таким образом от военных забот, Стессель со всем пылом собачился с комендантом крепости генералом Смирновым: двум кобелям – Квантунскому и Порт-Артурскому – было тесно в одной будке. При этом Анатолий Михайлович совершенно искренне считал, что полномочия, данные подчиненному, принадлежат и его начальнику, и потому с мелочностью судебного крючкотвора отменял и переизменял все распоряжения коменданта крепости. А если учесть, что генерал Кондратенко, в своей ипостаси начальника сухопутной обороны считая себя незаменимым, тоже чувствовал себя независимым и от Смирнова и от Стесселя, то можно понять, что в крепости сложился первосортный бардак. Но вмешиваться в распоряжения генерала Кондратенко себе дороже, ибо на нем держится вся оборона. Об этом Анатолий Михайлович никогда прямо не говорил, но, видимо, считал, что не только полномочия, но и заслуги подчиненного также принадлежат его начальнику. И только изредка, чтобы хитрый хохол⁹ слишком не задавался, генерал Стессель, как комендант Квантунского укрепленного района, бил того по рукам, сдерживая излишний, по его мнению, пыл. Ведь нет же большего наслаждения, чем показать свою власть над строптивым подчиненным, мнящим себя незаменимым.

А ведь был еще и генерал Фок – находящийся в резерве, а потому не вникающий ни в боевые, ни в хозяйственные дела, но при этом едко комментирующий каждое решение Кондратенко и тихо капающий на мозги генералу Стесселю своими капитулянтскими идеями. «Чтобы не допустить особого кровопролития, крепость необходимо сдать как можно скорее, – говорил он. – А кровопролитие будет неизбежно в том случае, если японцы ворвутся непосредственно в городские пределы, и начнутся ожесточенные бои на улицах. А ведь, помимо гарнизона и моряков, в Порт-Артуре присутствуют несколько тысяч мирных обитателей, в том числе и его собственная супруга Вера Алексеевна, а также до десяти тысяч раненых и больных, что находятся ныне в госпиталях. Десять лет назад, захватив китайскую крепость Люйшунь, японские солдаты без всякой пощады убили всех ее обитателей, без различия пола и возраста, оставив в живых только несколько десятков человек, необходимых для проведения похоронных работ...»

Когда Анатолий Михайлович представлял свою «половину» в груде окровавленных, обезображенных трупов, ему ставилось нехорошо, и только бодрые донесения генерала Кондратенко о том, что возможности сопротивления далеко не исчерпаны, добавляли оптимизма¹⁰ коменданту Квантунского укрепленного района. И теперь свирепое и, главное, непонятное сражение на Вершине Высокой, все не кончающееся и не кончающееся, несмотря на то, что уже несколько часов японское командование бросает в него все доступные резервы словно дрова в топку, заставляло мысли прирожденного карьериста беспокойно ворочаться.

Все непонятное страшно само по себе, а уж слухи, которые после полудня, шипя, поползли по Порт-Артуру невидимыми змеями, были еще страшнее (младший инженер-меха-

⁹ Если верить некоторым свидетельствам, то так Кондратенко прозвали офицеры и генералы крепости преимущественно немецкого происхождения.

¹⁰ Перечитав верноподданные (то есть предназначенные лично Николаю II) телеграммы генерала Стесселя мы обнаружили, что панические нотки в донесениях на «самый верх» стали появляться только после того, как начальником сухопутной обороны был назначен генерал Фок. Из этого следует, что версия о предательстве Стесселя не выдерживает никакой критики, потому что в таком случае незачем было отдавать всю власть над войсками генералу Кондратенко, переподчинять ему саперов и артиллеристов, и вообще делать так, чтобы вожделенная капитуляция всячески оттягивалась. В таком случае гораздо проще было изначально назначить на должность начальника сухопутной обороны генерала Фока, и тот привел бы японскую армию к победе еще в сентябре, если не в августе.

ник Лосев постарался, расписывая картину масляными красками по трафарету). Пришел, мол, из далекого Тридесятого царства с войском безжалостный к врагам самовластный Великий князь Артанский и из собственных устремлений и представлений о справедливости, никому ничего не объявляя, вступил в войну с Японией. И что только авангард этого войска составляет как бы не пехотную дивизию при тяжелой артиллерии – она-то и бьется сейчас с супостатом за гору Высокую; а если князь Серегин прикажет, то артанских войск в Артуре станет еще больше.

Про тяжелую артиллерию – это было сильно: хриплый кашель гаубиц, которые, высоко задрав стволы, посылали в невидимые из города цели снаряд за снарядом, был слышен даже с того места, где располагался штаб крепости. Больше стрелять там было нечему. В сторону горы Высокой была развернута только одна батарея сухопутного фронта, да и та могла вести огонь исключительно прямой наводкой по склонам, обращенным к Порт-Артуру, и никоим образом не доставала японцев, находящихся на противоположных склонах горы. Да и звук стрельбы был не похож на гром морских пушек. Очевидцы (а были уже и такие) боялись, что артанские пушки внешне похожи на снятые с боевых кораблей пушечные башни, которые чудесным образом сами ездят по дорогам, а стволы своих орудий задирают так же высоко, как французские танцовщицы ноги в канкане. Еще поговаривали, что генерал Кондратенко лично бывал на горе Высокой, был принят артанцами с превеликим уважением, и, вернувшись, установил разграничение ответственности с артанскими и русскими войсками, фланги которых смыкались между занятой пришельцами горой Высокой и русским фортом № 4.

Самому генералу Стесселю, встревожившемуся такой самодеятельностью своего подчиненного (хотя бы доложил как положено, прежде чем раздавать указания) было невместно срываться с места и бежать любопытствовать, что происходит, – поэтому он вызвал к себе своего адъютанта подпоручика гвардии князя Гантимурова и приказал ему отправиться в Новый Город (откуда ближе всего к месту событий) и разузнать, что там творится. Алексею Михайловичу не в первый раз использовал этого отпрыска тунгусского княжеского рода для разных поручений. Было дело, когда под видом аборигена князь Гантимуров даже проникал через линию осады с донесением в Манчжурскую армию и вернулся обратно (*так что сомнительные сведения о наследственном сифилисе и патологической трусости этого человека стоит оставить на совести товарища Степанова*). Князь в силу особенностей своего происхождения был таким же карьеристом, как и Стессель, но не имел даже административных талантов, свойственных его непосредственному начальнику, а посему до конца жизни был обречен оставаться «человеком для особых поручений».

Вернулся подпоручик уже затемно, с совершенно круглыми от изумления глазами, и сразу начал докладывать о том, что видел сам, и еще больше – о том, чего наслушался от разных очевидцев, которых на войне всяко больше, чем на рыбалке или охоте. Пробавляться рассказами пришлось потому, что в самые интересные места поручика и не пустили, завернув с полдороги. Артанские солдаты, выставленные Великим князем Серегиным в оцепление, пропускают на Высокую только с бумагами, выданными генералом Кондратенко, и никак иначе. И солдаты непростые: по большей части раскосые девки почти саженного роста, хотя попадаются среди них и личности мужского пола. При этом артанские нижние чины ведут себя дерзко: с акцентом, но на вполне понятном русском языке, говорят его княжеской светлости «ты» и «стой, стрелять буду», а при попытке возмутиться грозят взять под арест и сдать в контрразведку на опыты.

Но кое-что поручик Гантимуров увидел – и пришел к выводу, что слухи, несмотря на то, что они больше похожи на русскую народную сказку, пожалуй, не врут, и самовластный артанский князь действительно тот, за кого себя выдает. Ведь самозванец и мистификатор, за которого его можно было бы принять, не был бы в состоянии бросить в бой дивизию с артиллерией. И вот теперь вся японская осадная армия сворачивает активные действия против фор-

тов «два» и «три» (которые совсем недавно пыталась захватить с невероятным фанатизмом) и бросает все силы против горы Высокой, занятой артанской пехотой.

И в тоже время никому в Артуре (этой тайной владеют только Кондратенко, Рашевский и Белый) не известно, каким именно образом артанский князь оказался на горе Высокой, а также откуда и как приходят к нему подкрепления. А в том, что подкрепления приходят – сомневаться не приходится. Самоходные бронебашенные пушки появились на склонах Высокой и в других местах гораздо позже пехоты. И еще Стессель не сомневался, что в Санкт-Петербурге об этом Артанском князе даже не слыхивали. В противном случае он, Стессель, получил бы по телеграфу подробнейшие инструкции – и от военного министра генерала Сахарова, и от командующего Манчжурской армией генерала Куропаткина. И самое главное – о происходящем еще не поставлен в известность сам государь-император Николай Александрович. Едва ли он будет рад, что в его дела без всякого предупреждения вмешался доселе неизвестный коллега по монаршему цеху.

Анатолий Михайлович в уме уже составлял верноподданическое донесение, которое он отправит государю-императору по телеграфу через Чифу, как все завертелось еще круче. Из Нового Города в штаб крепости на рикше примчался штабс-капитан (*а никакой не ротмистр, как у Степанова*) Водяга и взволнованно сообщил, что неизвестные люди, именуемые артанцами, похищают из госпиталей тяжелораненых, и генерал Церпицкий, имеющий на этот счет особое указание генерала Кондратенко, никак не препятствует этому действию. А главное ведь вот в чем: артанские коренастые девки-санитарки не тащат носилки со страдальцами из здания, укладывая в повозки, чтобы перевезти их в какое-то другое место – нет, они просто таскают в дыру, открывшуюся прямо посреди госпитально коридора! А с той стороны дыры, мол, находится Тридевятое государство, Тридесятое царство, вотчина артанского князя Серегина, где из земли бьет фонтан живой воды, а воздух благоухает миррой и ладаном, как в храме.

Вот тут генерал Стессель не утерпел – он приказал закладывать экипаж и для пушек солидности вызывать к штабу конвой из казаков. Во-первых – в нем выиграло ретивое: захотелось поставить всех на место, предотвратить самоуправство, сказать, что он тут – главный начальник, а всех, кого уже успели утащить, вернуть обратно, ибо он ничего подобного не позволял. А то что-то в последнее время события понеслись кувырком, совершенно не принимая в расчет существования коменданта Квантунского укрепленного района. Во-вторых – генерала разобрало любопытство, а что же такое на самом деле «Великая Артанция» и ее якобы самовластный монарх. А то ведь если написать в своем верноподданическом донесении какую-нибудь глупость, а другие люди представят это государю совершенно по-иному – то все, карьера кончена, останется только плакать по безнадежно разбитому корыту...

Впрочем, сборы на выезд генерала – дело небыстрое, и пока это случится, во внешнем мире произойдет еще немало событий...

05 декабря (22 ноября) 1904 год Р.Х., день первый, 19:05. Порт-Артур, казармы пятого восточно-сибирского полка.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

В ходе подготовки к ночному контрудару мне в голову неожиданно пришла та же мысль, что и однажды Незнайке: «А чего тут два часа рисовать?». И в самом деле, зачем рубить японскому котенку хвост мелкими кусочками – лучше сразу весь и вместе с головой. Или это на меня так подействовали шесть атак «высоты 203» – живыми волнами при пятидесятипроцентных потерях в каждой атаке. В последний раз, уже в сумерках, офицеры гнали солдат на штурм, лупя их по спинам бамбуковыми палками, и все равно итог был один. Ровный стрекот фланкирующих пулеметов, частые щелчки супермошинных, выбивающие вражеских офицеров – и склон злосчастной высоты устилали все новые и новые японские трупы, образуя сплошной

ковер. Ну прямо какая-то inferнальная манга о том, как сыны Аматерасу пошли в грабительский поход за шерстью, но в очередной раз сами оказались стрижены.

Вот тогда-то и стало очевидно, что удар бронекавалерийской группировкой от Голубиной бухты во фланг сводной японской группировке, атакующей «высоту 203», имеет все шансы полностью сокрушить правый фланг вражеской осадной армии и одним рывком задолго до рассвета выйти к городу Дальний – тыловой базе осадной армии. Грабить, то есть приватизировать, тамошние японские склады можно долго и со вкусом. И самое главное, победа будет даже более чем просто громкая для того чтобы нас заметили в Санкт-Петербурге и других мировых столицах. А чтобы остатки левого фланга не слишком долго трепыхались, необходимо также убедить их отступить с занимаемых рубежей – не намного, всего-то километров на пять.

Основной удар на левом фланге по дороге от Голубиной бухты в сторону Дальнего будут наносить два танковых батальона, разведбат, и кавалерийский корпус в полном составе. Попавшие под фланговый удар остатки растрепанных во время бесплодных штурмов 1-й и 7-й пехотных дивизий, а также 1-й резервной бригады окажутся рассеянными, после чего, в силу специфики боя в полной темноте, будут уничтожены моими войсками, имеющими приборы ночного видения на танках и амулеты Истинного Взгляда у кавалеристок и пехоты. Впрочем, мелкие группы, рассыпавшиеся по местности, имеют все шансы ускользнуть из-под основного удара и дожить до рассвета; а вот что с ними будет дальше, учитывая особо пылкую японо-китайскую «любовь» – это еще бабушка надвое сказала. А ведь приступы этой «любви» можно и обострить, объявив награду за сдачу японцев. За живых побольше, за мертвых поменьше.

В центре, на стыке зон ответственности нашей артанской армии и местных русских войск, в атаку пойдет третий танковый батальон при поддержке местной русской пехоты и моряков. У Кондратенко, после того как мы заняли «высоту 203», до половины всех активных штыков болтается вне линии соприкосновения с противником. Всех их, помимо контингентов, необходимых для несения гарнизонной службы, можно включать в состав ударной группировки. Тридцать танков Т-80, неуязвимых и наводящих ужас, и за ними шесть-восемь тысяч по-настоящему злой русской пехоты – достаточная сила для того, чтобы опрокинуть десятикратно превосходящие силы врага, шокированного неожиданностями сегодняшнего дня.

Если на левом фланге необходимо разметать врага клочками по закоулкам, – так, чтобы не было его нигде и никак, – то в центре достаточно отодвинуть на три-пять километров назад и вправо правофланговые 9-ю и 11-ю пехотные дивизии, а также 4-ю резервную бригаду осаждающей Порт-Артур японской армии. В результате успеха такой операции эти войска утратят во время отступления фронтовые полевые склады и окажутся отброшенными в сторону лишнего дорог безлесного горного массива. Там даже местные китайцы предпочитают ставить свои рыбацкие деревни в небольших долинах на побережье. Долго ли японские солдаты продержатся зимой в пересеченной горной местности, без продовольствия, не имея возможности даже развести костры и согреться? Правда, для успеха этой атаки мне придется наложить на этих солдат временное, не закрепленное, заклинание Истинного Взгляда и свое воинское благословение. Первое необходимо для того, что идущие следом за танками пехотные цепи могли ориентироваться в темноте; второе сохранит им жизни в случае ранения. Я воспринимаю этих людей как «своих», так что процедура наложения благословений должна пройти просто и естественно.

Приняв это решение, я лично встретился с командиром танкового полка подполковником Седовым. За те полтора года, что его танковый полк находится в составе моей армии, товарищ подполковник совершенно очевидно изменился внешне. Теперь это подтянутый молодцеватый мужчина с благородной сединой на висках; он с легкостью втискивается через люк на командирское место в танке и так же, как и в прежние времена, готов вести на врага бронированную лавину.

– Ну что, Владислав Петрович, вот пришел ваш звездный час, – сказал я ему. – Мечтали, небось, по молодости, перечитывая роман «Порт-Артур», гремя огнем, сверкая блеском стали, сокрушать броней и гусеницами бесчисленные полчища японцев? В этом мире я с чистой совестью пускаю ваш полк в настоящее дело – вместо отдельных сольных выступлений. Совершив нападение без объявления войны, самураи нагрели вполне достаточно для того, чтобы я выступил против них в своей ипостаси Божьего Бича. План операции таков, смотрите сюда...

И я развернул прямо в воздухе перед подполковником голографический тактический планшет, где все было расписано на четком военном языке: какие силы, в какие сроки, с каких исходных рубежей, маршрут движения и конечная цель операции. Начало наступления было назначено на полночь. Задача – перевернуть тут все вверх дном и не допустить скатывание этого мира на основную историческую последовательность. Ничего хорошего его там не ждет, уж нам-то это прекрасно известно. Кстати, командирам кавалерийских дивизий я ставил задачу, по мысленной связи уже не вступая в личный контакт. Времени на это не было, потому что в этот момент как раз, как мышь за плинтусом, зашебуршился Стессель. Моя незапланированная активность его возмутила, и он уже приготовился кинуться «держать и не пущать». Еще мне требовалось согласовать кое-какие моменты с генералом Кондратенко, а поскольку он еще не член нашего Единства, то сделать это можно было опять же исключительно при личной встрече.

Дополнительно меня беспокоило то, что я не ощущаю в ближайших окрестностях никаких признаков активной деятельности генерала Фока. Вот маньяка Вирена я чувствую (правда, пока он думает, что все происходящее его не касается), а вот Фока – нет. Я бы понял, если бы этот тип стал суетиться подобно Стесселю, а он как бы исчез... Утром я его еще ощущал, но сейчас он будто лег на дно, а может, и перебежал к японцам. Крайне неприятно было бы обнаружить, что мы имеем дело с агентом противоположных сил или тем, кто самостоятельно владеет приемами магической маскировки или имеет в прикрытии практикующего мага. Однако то и другое в настолько высоких мирах столь же невероятно, как живая, только что вытщенная из воды сельдь, обнаруженная в пустыне Сахара. Я обратился с запросом к Диме-Колдуну, но тот, значительно более чувствительный в магических делах, сказал, что не ощущает поблизости ни посторонних для нашей команды магов, ни даже маскирующих магических амулетов.

Если у меня чувствительность к магическим проявлениям весьма посредственная (не она является моей сильной стороной), то Дима-Колдун в этом смысле как маг-исследователь почти идеален. Если он говорит, что тут нет посторонних магов – значит, их просто нет. Зато юноша не способен отличить ауру одного генерала от другого: они для него все на одно «лицо», в то время как я сильного стратега могу почувствовать за пару сотен километров. Правда, Стессель с Фоком далеко не стратеги, а больше похожи на ротных или батальонных командиров, на три головы переросших свой служебный потолок. А это уже не мой уровень. Такие деятели, скорее, обнаруживаются по последствиям отдаваемых ими «мудрых» указаний. И если генерал Стессель, как самый большой начальни, к сейчас готов буквально фонтанировать приказами, то Фок, как запасной генерал, сидит себе тихо и пока что помалкивает. В ТОТ раз он получил власть после смерти Кондратенко и в пару недель сдал крепость, убедив Стесселя, что она неспособна более сражаться.

И тут я вспомнил бытующие в нашем мире предположения, что генерала Кондратенко просто подставили под артиллерийский налет, сообщив японцам место и время совещания на передовых позициях. Кстати, посредником мог быть не японский, а британский агент. Как раз лимонники заинтересованы в том, чтобы русские поскорее проиграли войну японцам и, потеряв весь былой гонор, пошли в младшие партнеры Лондона и Парижа на войну с Германией. В таком случае где-то тут должен отираться мерзавец вроде Сиднея Рейли, то есть Сигизмунда Розенблюма...

«Кондратенко надо поберечь, – решил я, – причем любой ценой. Личную охрану к нему приставлять бессмысленно. Во-первых – против профессионального убийцы толку с нее чуть, во-вторых – этот человек совсем не из тех, кому понравятся таскающиеся за ним телохранители. Он будет пытаться избавиться от опеки, и, если за ним и в самом деле идет охота, дело кончится плохо...»

Вместо телохранителей я решил обеспечить доброго гения Порт-Артурской обороны офицером связи. Ну почти офицером. Первопризывная амазонка Аелла (Вихрь) была хороша собой, решительна, хладнокровна, обладала прекрасной реакцией, и, самое главное, с отменной меткостью стреляла по-македонски с двух рук из пистолетов Федорова. Первопризывные амазонки – они такие, ведь храм Огня поставлял этому народу элиту элит. И, кроме того, на эту девушку уже предустановлены все необходимые в данном случае защитные и сервисные заклинания – вроде Регенерации, Защитного Ветра, Истинного Взгляда и Железной Кожы. Последнее, достаточно энергоемкое, заклинание существенно увеличивает прочность кожных покровов при попадании пули или при ударе колюще-режущим оружием.

Объяснив Аелле задачу, я дождался в ответ только одного вопроса:

– Обожаемый командир, а после того, как все закончится, я могу попытаться получить от этого храброго человека добрую дочь?

Задав вопрос энергооболочке, я получил ответ, что информация о личной жизни объекта в базе отсутствует. Либо это личной жизни как таковой и вовсе не существовало в природе, либо она была запрятана глубоко подальше от человеческих глаз.

– Ты можешь попытаться, Аелла, – сказал я, – но это дело будет только между вами двоими. Мне как личности безразлично, с кем ты будешь спать и от кого родишь ребенка. Но ты сама еще хорошенько подумай, так уж тебе нужно отцовство этого человека или лучше попытаться найти другую, более подходящую кандидатуру.

– Хорошо, обожаемый командир, я вас поняла, – с хмурым видом произнесла амазонка, – вы дурного не посоветуете, и я постараюсь сначала семь раз примериться и только потом открываться этому человеку. Но жизнь ему я сохраню непременно.

На этой оптимистической ноте переговоры закончились, и мы с Аеллой – одна нога здесь, другая там, – с вершины «высоты 203» отправились в казармы 5-го восточно-сибирского стрелкового полка. Кстати, временный штаб Кондратенко располагался там по причине того, что казармы злостно пустовали. Этот полк к настоящему моменту оказался почти полностью истреблен, сражаясь на самых сложных участках обороны, в том числе и на горе Высокой.

В казармах полка жизнь била ключом. Приходили и уходили офицеры, возглавляющие стягиваемые в ударную группировку подразделения, и просто разного рода доброхоты, мобилизовавшие себя на помощь святому делу. Во дворе у костров кучками грелись солдаты – и эта картина почему-то неприятно напомнила мне «революционное» кино о семнадцатом годе.

Внутри штаба в окружении генерала Кондратенко присутствовали не только уже знакомые генерал Ирман, инженер Рашевский и генерал Белый, но и иные, доселе неизвестные мне лица. Во-первых – рядом с Кондратенко стоял начальник центрального боевого участка генерал Горбатовский. Худенький такой старичок с аккуратной седой бородкой. И тем не менее, несмотря на свою субтильную внешность, у меня он определился как стратег класса АЗ. Не гений конечно, но надежная такая ломовая генеральская лошадка, которая в сложных условиях потянет дивизию, а в простых, когда на «той стороне» одни дилетанты – и корпус. Именно на участке генерала Горбатовского, в стык между первой и девятой пехотными дивизиями нанесет свой удар объединенная группа войск. Поэтому его участие в этом совещании оправданно и необходимо.

Во-вторых – тут же присутствовали двое подчиненных генерала Белого, артиллеристы: армянин полковник Тахателов и азербайджанец генерал-майор Мехмандаров. Оба герои, оба с начала осады на боевых позициях: Мехмандаров на правом фланге, а Тохателов в центре; оба

контужены и оглохли от непрерывного грохота на батареях, а потому разговаривают на повышенных тонах, будто ругаются. Но своим чутьем бога войны я чувствую, что это не скандал, просто эти двое по-другому не умеют.

В-третьих – тут же, но чуть в стороне от «сапогов», стоят морские офицеры во главе с каперангом Эссеном: два капитана второго ранга, а остальные – лейтенанты и мичманы, быть может, главные действующие лица сегодняшнего дня. Вот где настоящие герои, сорвиголовы, лихие миноносники, артиллеристы и командиры минных транспортов, попивших немало крошечки у адмирала Того. Золотой, так сказать, фонд русского флота. И матросов (отнюдь не революционных) во дворе казарменного городка тоже более чем достаточно. И хоть я ни разу не моряк и в жизни не ступал на палубу боевого корабля, но с этими господами офицерами, в отличие от некоторых, я одной крови.

Всю эту картину я срисовал в долю секунды, едва оказавшись в помещении, а секунду спустя генерал Кондратенко заметил наше с Аеллой присутствие и негромко, но твердо сказал:

– Господа офицеры, позвольте представить вам путешественника по различным мирам, самовластного Великого князя Артанского, Серегина Сергея Сергеевича, не далее как сегодня утром со своей армией вступившего в войну против Японии.

– Добрый вечер, господа, – сказал я. – Очень рад со всеми вами познакомиться. Вы меня еще не знаете, зато я вас всех знаю очень хорошо.

– Откуда же вы нас знаете, Сергей Сергеевич? – с легким ехидством старика, обращенным к молодому коллеге, спросил генерал Горбатовский, – ведь вы же в Артуре не более суток и никого из нас, за исключением господина Кондратенко, еще и в глаза не видели...

Я со вздохом спросил, обращаясь к Кондратенко:

– Роман Исидорович, вы, что еще ничего не рассказали своим боевым товарищам?

– Никак нет, Сергей Сергеевич, – со вздохом ответил тот. – Побоялся, что мне никто не поверит. И без того ваше несколько шумное появление у нас в Артуре вызвало у господ офицеров определенное недоумение. Вот не было ни гроша – и вдруг на столе даже не алтын, а целый рубль... Уж вы сами продемонстрируйте господам офицерам что-нибудь такое эдакое, чтобы сразу не осталось сомнений в вашей правоте...

– И что, притащить вам сюда за бороду живого микадо? – усмехнувшись, спросил я. – Пожалуй, сие будет преждевременно. И старик ничего не поймет, и нам это будет без толку...

Некоторые из молодых офицеров сдержано хихикнули. И в этот момент мне в голову пришла идея.

– Роман Исидорович, – негромко сказал я, – соблаговолите отдать распоряжение, чтобы солдаты и матросы очистили середину двора; пустить постоят у стеночки, пока я показываю господам офицерам такое желанное представление.

– Что вы задумали, Сергей Сергеевич? – встревожился Кондратенко, – а то мне про вас тут всякое рассказывали...

– Не беспокойтесь, – сказал я, – то, что я задумал, вполне безопасно. Я решил совместить приятное с полезным, но большего сказать не могу.

Пока адъютанты Кондратенко бегали и разгоняли солдат и матросов, я связался с подполковником Седовым, приказав тому лично привести сюда один танк Т-80 – портал для этого дела я открою. Во-первых – это будет демонстрация могущества, так желаемая господами офицерами, а во-вторых – Владислава Петровича пора знакомить с местным бомондом.

И вот, когда местные офицеры начали нетерпеливо гомонить, за окнами вдруг раздался свист, лязг и скрежет... присутствующие бросились к окнам и успели увидеть, как из дыры в пространстве, скрежеща сочленениями, выезжает основной боевой танк Т-80 и, развернувшись на месте, останавливается, нацелив орудие прямо в окна штаба. Подполковник Соколов, как всякий нормальный танковый командир, торчавший при этом по пояс из люка башенного люка, вылез наружу, протопал сапогами по броне и прыгнул на землю.

– Ох ты ж, ептить!!! – во весь голос сказал один из флотских лейтенантов. – Это что же получается, господа... сухопутный броненосец?!

Повысив голос, я не без торжественности произнес:

– Это РУССКИЙ основной боевой танк большинства верхних, то есть будущих, миров, широко известный под наименованием Т-80. Лобовая защита эквивалентна семнадцати дюймам катаной крупновской брони, вооружение: пятидюймовая длинноствольная пушка со стабилизацией, позволяющая вести огонь на ходу, с боекомплектom в сорок два выстрела. Пулемет полудюймового калибра сверху башни, пригодный для подавления легких укреплений, и спаренный с пушкой пулемет под винтовочный патрон. Вес машины – две тысячи восемьсот пудов, мощность двигателя – тысяча двести пятьдесят лошадиных сил, максимальная скорость по пересеченной местности – пятьдесят верст в час... И таких вот, как говорят французы, *éléphants de fer*, помимо этого, в одном шаге от этого мира у меня имеется еще девяносто единиц, целый танковый полк.

Тут я сделал паузу, не без удовольствия наблюдая за реакцией присутствующих – восхищенных, ошеломленных, обрадованных, но в то же время боящихся поверить в увиденное и оттого напускающих на себя скепсис.

Затем я добавил:

– А сейчас позвольте вам представить командира этого полка – подполковника Седова Владислава Петровича. Прошу любить и жаловать, господа.

И в этот момент немая сцена: снимая с головы теплый зимний шлемофон, входит подполковник Седов. Он не спеша пересек помещение и встал рядом со мной. И лишь Кондратенко понимающе переглядывается с Рашевским и Белым, после чего удовлетворенно кивает. Уж они-то осведомлены, что у меня в резерве имеется этакий неприятный сюрприз для японцев. На лицах остальных – скепсис «образованных людей» сменился задумчивостью, а кое у кого даже энтузиазмом. Самые сообразительные явно пытались в уме «пересчитать» девяносто один танк Т-80 на условных солдат с трехлинейками и трехдюймовые пушки. Дурацкое занятие, ибо число это равно бесконечности.

– Итак, господа, – сказал я, когда все взгляды снова обратились в мою сторону, – после сегодняшней истерики японцев в ответ на появление в окрестностях Артура моей армии я пришел к выводу, что с этой дурацкой осадой надо кончать, и немедленно. Сейчас, когда правый фланг противника понес в этих дурацких атаках большие потери и оказался совершенно расстроен, пришло время нанести по нему удар панцирным кулаком и, смяв японские пехотные части, одним рывком выйти к Дальнему...

Когда я произносил эти слова, энергооболочка спроецировала на ближайшую стену карту Ляодунского полуострова с нанесенными на них данными о расположении своих и вражеских частей, а также планом предлагаемой мною операции.

– Удар необходимо нанести немедленно, пока враг не опомнился, – добавил я. – Начало – ровно в полночь, артподготовка начнется часом раньше. На нашем левом фланге прямо на Дальний и Цзиньчжоу вместе с двумя танковыми батальонами будет наступать моя кавалерия. Этим сил хватит на то, чтобы уже до рассвета захватить тыловую базу осадной армии и перекрыть Цзиньчжоуский перешеек. Остальные японские войска, которые сейчас противостоят вашему восточному фронту, необходимо сбить с нынешних позиций и заставить отступить на три-пять верст, бросая полевые склады в прифронтовой зоне. Именно это сделают еще один мой танковый батальон и ваши солдаты и моряки, которые пойдут следом за броней. После успеха этой атаки уцелевшее к тому времени командование японской армии будет располагать только теми запасами, которые уже розданы солдатам на руки и находятся у них в ранцах. Не знаю, как насчет полевых пушек, но всю осадную артиллерию им придется бросить. И тогда роли поменяются. Пока я и мои люди будем держать перешейки, вы будете осаждать японцев в горах, постепенно отжимая их к побережью. Так что, господа, надеюсь, что следующая за

этим вечером ночь для нас тоже будет доброй, а вот для японцев наступят не очень хорошие времена.

– Все это хорошо-с, господин Серегин... – при гробовом молчании прочей публики произнес генерал Горбатовский, – но как же наши солдатики пойдут в атаку за этими вашими железными слонами ночью, ничего не видя в темноте, да еще и на скорости пятьдесят верст в час? Так быстро чудо-богатыри, да еще и в темноте, бегать не умеют.

– Вы, Владимир Николаевич, не беспокойтесь, – сказал я. – Сопровождая пехоту в атаку, мои танки могут ездить и медленнее, чем пятьдесят верст в час. А что касается ночного времени и темноты – то на это вопрос я вам отвечу, когда за час до атаки на исходном рубеже соберутся все назначенные к бою войска. В таком случае, хе-хе, как говорится, лучше один раз увидеть и почувствовать, чем сто раз услышать...

И тут у меня появилось такое чувство, что ежели я не поспешу, то сейчас вылезший из своей берлоги Стессель по привычке начнет бодаться за административную власть и наломает мне таких дров, после чего я просто буду вынужден замочить этого козла где придется, не заморачиваясь подбором подходящего сорта.

– Значит так, Роман Исидорович, – сказал я вполголоса, обернувшись к генералу Кондратенко, – я только что узнал, что мое личное присутствие требуется в другом месте. Вместо себя оставляю вам за офицера связи мадмуазель Аеллу. Она является моей Верной и состоит со мной в непрерывной мысленной связи. Если у вас возникнет какой-нибудь вопрос или нужда, то обращайтесь ко мне через нее. Я тут же об этом узнаю. И еще. Мадмуазель Аелла не какая-то там домашняя девица, хрупкая и беспомощная. Она амазонка, а это значит – существо сильное, дикое, необузданное и подчиняющееся только дисциплине воинского единства, требующего безукоризненного послушания воинскому вождю, то есть мне. Рожденная в седле и вскормленная с конца копы, она взяла в руки свой первый лук тогда же, когда обычные дети берут в руки ложку. Дикая скачка во весь опор и стрельба, неважно из чего – для нее такой же естественный процесс, как для других дыхание... – Я повысил голос. – В первую очередь обращаюсь к присутствующим тут молодым людям. Вы можете, конечно, поухаживать за этой очаровательной мадмуазелью, но если эти ухаживанья ей не понравятся, то вам лучше как можно скорее потеряться в складках местности. А то могут быть разные нюансы: то ли она вам чего-нибудь сломает, то ли я, во исполнение обязанностей сюзерена, оторву вам голову за обиду своей Верной. Для меня эта клятва более чем серьезна. – Я сделал паузу, чтобы присутствующие могли в полной мере осознать сказанное. Затем закончил свою речь словами: – А теперь счастливо оставаться, я уйду, но обещаю вернуться...

И, не заморачиваясь поисками укромного угла, я открыл переход прямо при изумленных свидетелях и ушел в него – туда, где мое присутствие немедленно требовалось «здесь и сейчас».

05 декабря (22 ноября) 1904 год Р.Х., день первый, 19:15. Порт-Артур, Старый Город, Сводный госпиталь.

Статский советник, доктор медицины Виктор Борисович фон Гюббенет.

Артанский князь Серегин свалился на наши головы неожиданно, как снег в июльскую жару. Только что все было чинно и мирно, не считая осады, но сегодня все перевернулось вверх дном, картина мира рухнула, черное стало белым, невероятное – очевидным, а сказка обернулась былью. Ожесточенный бой, с самого утра разгоревшийся за вершину горы Высокой, не обещал нам, врачам, ничего, кроме новых раненых, новой боли и новых душевных страданий оттого, что раненые иногда умирают прямо под ножом хирурга. Мы почти ничем не можем помочь людям, пострадавшим за Веру, Царя и Отечество, потому что у нас на исходе даже самые элементарные медикаменты, а вместо перевязочного материала мы вынуждены использовать парусину, взятую с флотских складов.

Время шло; накал сражения все не утихал, грохот артиллерийской канонады был слышен даже у нас, несмотря на то, что от места боя нас заграждает гора Перепелиная, но новых раненых не везли не только в наш Сводный госпиталь, но и в лечебные учреждения, расположенные в Новом Городе. А потом к нам на рикше приехали генерал-майор Ирман и юноша в мундире флотского офицера с погонами младшего инженера-механика (его представили мне как господина Лосев). Полковник попросил освидетельствовать молодого человека на предмет осколочного ранения в бедро, случившегося якобы примерно сутки назад. При этом никаких признаков какого-либо ранения в ногу, за исключением легкой хромоты, при внешнем осмотре не проглядывалось.

Попросив молодого человека снять грубо заштопанные штаны, я разматывал повязку, заскорузлую от крови, и пришел в величайшее изумление. Во-первых – ранение действительно имело место, но можно было подумать, что осколок угодил в ногу не вчера, а полгода или даже год назад. Во-вторых – шрам, уже совершенно побелевший, выглядел так, как будто рану не шили, как положено по науке, а просто разгладили руками, и так она сама зажила в очень короткий срок. Почерк хирурга при операции, знаете ли, много значит. Только посмотрев на зашитую рану, я могу определить, кто из крупных хирургов или их учеников оперировал этого больного и сколько времени прошло с момента операции, – но такого, как в этот раз, мне видеть доселе не доводилось.

Расспросив господина Лосева, я услышал сказочную историю о заморском самовластном Артанском князе Серегине, который со своим войском пришел на выручку Порт-Артуру. Это его пехотный легион (что бы это слово ни значило в наши времена) укрепился на горе Высокой и уже несколько часов обучает настырно атакующих японцев хорошим манерам. А раненых от него к нам не везут, потому что у артанцев есть свой госпиталь – вот как. И даже, более того, заморский князь настолько великодушен, что предлагает нам отправить к нему на излечение всех тяжелораненых, умирающих, тех, в ком едва теплится жизнь, ибо если страдальцев доведут до его госпиталя живыми, тамошние врачи никого не отдадут безносой, по крайней мере, не на этот раз. Поди ж ты, однако...

Я, конечно, слушал внимательно, но относился к рассказу молодого человека скептически, пытаясь лишь определить, красочное это вранье или же великолепный бред. А может быть, и не то, и не другое, просто этот Лосев, став очевидцем необычных событий, интерпретирует их на свой манер, в меру своего воображения... Но, однако же, рана его, странным образом зажившая столь быстро, и вправду свидетельствовала о чуде, и об этом мне еще предстояло поразмыслить. Я никогда не видел подобного, однако приходилось слышать от коллег истории, когда нечто похожее происходило с людьми, которых коснулась Божья Благодать... Словом, мне оставалось только кивать в ответ удивительному повествованию господина Лосева.

А молодой человек заливался соловьем, и глаза его вдохновенно горели, но при этом он нимало не походил ни на прожженного лжеца, ни на душевнобольного.

– Доктор, они – этот князь и его люди – творят поразительные, невероятные вещи! – говорил он. – И, знаете, они делают это походя, будто так и должно быть. Нogu мне знаете кто залечил? Ни за что не поверите! Девочка-отроковица! Да-да! И знаете, кто она такая? Она назвалась эллинской богиней первой подростковой любви! И буквально за пять минут – пять, доктор, не более! – она наложением рук залечила мою рану! Вы когда-нибудь слышали о такой богине, доктор? Нет? То-то же... Лилия... ее имя – Лилия!

И тут, едва молодой человек произнес это имя, как у меня в кабинете раздался негромкий хлопок. Я от неожиданности вздрогнул, обернулся на звук и увидел перед собой девочку. Она взялась прямо из ниоткуда, из воздуха! О, это было преудивительнейшее создание... Даже и сомневаться не приходилось, что это именно та самая отроковица по имени Лилия, о которой только что толковал пациент. Конечно же, я оторопел и потерял дар речи. Борясь с непреодолимым желанием протереть глаза, я с изумлением разглядывал юную мадмуазель. На вид

ей было лет двенадцать-тринадцать, и одета она была как... как врач: белый халат и белая же шапочка с прикрепленным круглым зеркалом. Кроме того, на носу ее красовались огромные очки, на шее висел стетоскоп. Она смело и, я бы даже сказал, дерзко взглянула на меня, затем кокетливо одернула свой халат и заправила под шапочку выбившуюся прядь волнистых темных волос. Под очками ее глаза казались огромными, потому их выражение трудно было определить – и оттого мне стало вдвойне неуютней. Несмотря на то, что вид ее на объективный взгляд был необычайно комичен, думаю, что никому и в голову не пришло бы смеяться. Веяло от нее чем-то таким... потусторонним, волшебным, грозным и неведомым... И от этого ощущения у меня даже слегка зашевелились волосы на макушке.

Девушка же была совершенно невозмутима.

– Позвольте представиться, господа, – сказала она, делая легкий книксен, – это я – Лилия, богиня первой подростковой любви, а также величайшая врачевательница всех времен и народов. Талант у меня потому что – больше даже, чем у Асклепия. Могу вылечить любого и от любой болезни, даже от старости. Не лечу только смерть, потому что дядюшка (вы зовете его Богом-Отцом) сделал это процесс необратимым.

Речь ее была чрезвычайно напыщенной и хвастливой, однако я интуитивно почувствовал, что шутки тут неуместны, даже мысленные. За этой дерзкой тирадой скрывалось нечто большее – великое и серьезное. Мне даже показалось, что образ отроковицы – это лишь маскарад, на самом же деле эта особа намного старше и мудрее, чем может показаться на первый взгляд. Так что я даже и не знал что сказать, пребывая в растерянности и только молча глядя на юную «врачевательницу».

– Сударыня, – сказал вдруг господин Лосев, – вы разве не видите, что господин фон Гюбенет сомневается. Но это же госпиталь, переполненный людьми страждущими и умирающими от ран. Вылечите кого-нибудь, желательно того, кто готов вот-вот преставиться от смертельного ранения – и тогда господин доктор вам поверит...

И было в этих словах молодого человека столько уверенности в своей правоте, что и я тоже загорелся желанием проверить свои сомнения.

Я наконец сглотнул, чтобы избавиться от комка в горле, кивнул, чуть кашлянул и произнес:

– Идите за мной...

Выйдя из кабинета, я стремительно зашагал туда, где у нас лежали тяжелораненные, которых современная медицина признавала безнадежными.

Оглянувшись, я увидел, что девушка Лилия смешно семенит за мною, одной рукой придерживая сползающие очки, но странным образом не отстает. Следом за ней идет генерал Ирман, и в самом конце, застегивая на ходу штаны – инженер-механик Лосев.

И вот мы пришли. Офицерская палата для безнадежных: шесть коек, шесть готовых прерваться судеб, шесть жизней, едва теплящихся, будто огарки свечей. Страшное место, откуда хочется убежать, чтобы не чувствовать своего бессилия перед костлявой... Но странная девочка не убежала. Она вошла в эту палату уверенно и спокойно – так, как укротитель входит в клетку с тиграми. Медленно обошла все койки и остановилась возле подполковника Бутусова – начальника Квантунского отдела Особого Заамурского округа Отдельного Корпуса Пограничной Стражи. Не говоря ни слова, она опустилась на колени рядом с его койкой, сложив свои ладони поверх его раны. Губы ее при этом были плотно сжаты, взгляд устремлен в пустоту и не было заметно, чтобы она при этом читала молитвы или заклинания.

Так продолжалось минут пять или даже более того. Потом девочка поднялась на ноги, а раненый подполковник медленно открыл глаза и слабым голосом попросил пить. Если учесть, что с момента поступления господин Бутусов находился без сознания, то это был величайший прогресс. Я подошел к нему и пощупал пульс, придя к выводу, что улучшение налицо. Конечно

же, это было совершенно удивительно и убеждало в правдивости слов девочки, в которые мне, по правде говоря, очень хотелось верить.

– Значит так, коллега, – тихо сказала мне странная девица, – смерть от этого человека я отогнала – но ненадолго, дня на три. Уж слишком он плох. Сейчас дайте ему попить... Но все равно происходящее в вашем госпитале – это ужас, ужас, ужас... Такой концентрации боли и безнадежности я не встречала еще нигде. А посему – крэкс, пэкс, фэкс... – Она развела руки в стороны. – Галина Петровна, Николай Иванович, где же вы ходите, когда вы так нужны калечным русским воинам?

Не успел я и моргнуть, как прямо в воздухе раскрылась дверь, и оттуда в маленькую палату для безнадежных набилось множество народа в белых халатах. Все они, несмотря на свое странное появление, вели себя так, будто тысячу раз проделывали подобное и не видят в этом ничего экстраординарного; это только я по привычке вздрагиваю, немею и изумляюсь...

Среди появившихся людей главными, как я понял, были высокая худая дама в очках с толстыми стеклами и лысый мужчина с квадратным лицом, как две капли похожий на доктора Пирогова времен злосчастной для России Крымской кампании. Что за диво? Да уж не он ли это сам, собственной персоной? Но, простите... как так может получиться, ведь этот великий русский хирург давно умер?!

«Великая врачевательница» тем временем жаловалась даме:

– Галина Петровна, тут ужас, безнадежность, отчаяние; люди мрут десятками, этих шестерых вон признали безнадежными и стащили в эту комнатку умирать, чтобы не мозолили глаза... а этот тип, – кивок в мою сторону, – как все тевтоны, до сих пор испытывает недоверие. Я уж к нему и так и эдак, а он все упрямится...

Слышать собственными ушами, как на меня так откровенно жалуются, называя «этим типом», при этом даже не беря в расчет мое присутствие, было до того неприятно, что я начал краснеть, чего давно со мной не случалось. Эта пигалица говорит при мне обо мне в третьем лице! Неслыханное хамство! Что за воспитание! Я был так возмущен и уязвлен, что даже забыл о своих первоначальных ощущениях при знакомстве с юной мадмуазелью.

Однако дама выслушала «великую врачевательницу» совершенно невозмутимо; мне даже показалось, что на лице ее мелькнула снисходительная улыбка.

– погоди, Лилия, – сказала она, просверлив меня внимательным взглядом из-под очков, – господин фон Гюббенет так не со зла. Просто он очень устал, и наше явление для него слишком неожиданно. Сказать честно, я бы его самого продержала бы в восстанавливающей ванне до восьми часов кряду, а потом назначила пару часов релаксирующего массажа...

И тут заговорил мужчина, похожий на доктора Пирогова.

– Коллега, – обратился он ко мне, – вы и в самом деле признали этих раненых безнадежными?

– Да, мы признали их безнадежными, – с легким раздражением ответил я. – Но какое вам до того дело, господин, не знаю как вас там зовут?

– Доктор Пирогов, Николай Иванович, к вашим услугам, – отрекомендовался тот. – Должен заметить, господин фон Гюббенет, что я ничем не заслужил вашей грубости. – Он глянул на меня с упреком, отчего мне даже стало немного стыдно.

Однако в ответ я все же огрызнулся.

– Доктор Пирогов давно умер! – сказал я. – А вы, сударь, для меня неизвестно кто...

Тут девчонка, которая наблюдала весь наш диалог, выпрямилась, строго глядя в нашу сторону, топнула ножкой и, указав на меня пальцем, сказала:

– Замри!

Все мои члены вдруг одеревенели: я не мог даже пошевелить мускулом лица! Отвратительное ощущение. Да что же это такое, в конце концов! Она прекратит издеваться надо мной или нет?!

А это пигалица, не торопясь подошла ко мне и, назидательно подняв вверх палец, стала говорить:

– Виктор Борисович, вы только что обмишулились, в упор не признав мэтра и учителя... и даже, более того, продолжаете упорствовать в своих заблуждениях. Не уподобляйтесь, пожалуйста, французским академикам, которые постановили, что камни с небес падать не могут – и хоть ты их в лоб прибей означенным камнем. Поскольку вы высказали столь прискорбное неверие, то мы с Галиной Петровной и доктором Пироговым забираем у вас этих шестерых раненых героев, чтобы на их примере показать вам, что бывает, когда за дело берутся знающие люди, имеющие под рукой все необходимое. И вы тоже, по своей воле или нет, пойдете вместе с нами как баран на веревочке, чтобы своими глазами убедиться, что лечение с помощью магических технологий – это не шарлатанство, а высокое искусство!

– Лилия! – возмутилась женщина в очках. – Как ты можешь так неприкрыто принуждать взрослого человека делать то, что ему не нравится? Это неправильно!

– Правильно, Галина Петровна, правильно, – дерзко возразила та. – Пока мой названный отец Серегин ведет тяжелый бой с японской армией, с этими исчадиями ада, которые стреляют по госпиталям и санитарным судам, у нас с вами свой собственный фронт. Тысячи раненых богоравных героев, страдающих от боли, нуждаются в нашей помощи, сотни находятся под угрозой скорой смерти, а этот человек уперся так, что ни туда ни сюда. При этом – во имя человеколюбия! – вы еще говорите мне, что я могу делать, а что нет!?

– погоди, Лилия, – сказал вдруг «доктор Пирогов», – я вижу, что господин фон Гюббенет хочет тебе что-то сказать.

– Хорошо, Николай Иванович, – произнесла девочка, – я выслушаю его, но только пусть он попробует сказать какую-нибудь глупость. Эти тевтоны настолько рациональны и прямолинейны, что стоит дороге хоть немного изогнуться, как они тотчас рискуют вылететь на обочину.

Произнеся эту фразу, адресованную в основном в мой адрес, она щелкнула пальцами – и я почувствовал, что мои губы и гортань снова мне подчиняются.

– Хорошо, маленькая госпожа Лилия, – сдавленно проговорил я, – во имя человеколюбия я готов подчиниться вашей воле, лишь бы этим раненым не было причинено ничего дурного.

– Ну вот и замечательно! – засмеялась та и захлопала в ладоши. – Санитары! Санитары! А ну бегите скорее сюда, хватайте этих страдалцев и тащите в наш приемный покой!

Потом, заметив, что подполковник Бутусов в сознании, она наклонилась к нему и сказала:

– Не беспокойтесь, господин подполковник, мы вас непременно вылечим. Это совсем не больно. И ваших товарищей мы тоже вылечим. Мы всех вылечим, лечить мы любим и умеем...

И как раз в этот момент из «двери» стали выбегать мускулистые особи дамского пола с острыми как у лисиц ушками, – со всей аккуратностью и предосторожностью они выючили безнадежных раненых на носилки и тащили их к себе в логово. По крайней мере, мне это так представлялось. Последним на ту сторону отнесли подполковника Бутусова, а уже за ним проследовала Галина Петровна, «доктор Пирогов», госпожа Лилия и я сам. Генерала Ирмана я попросил оповестить о случившемся начальника сухопутной обороны генерала Кондратенко, начальника всех госпиталей генерала Церепицкого, а также Главноуполномоченного Красного Креста, заведовавшего его Квантунским отделением, егермейстера Ивана Петровича Балашова (вполне достойный человек, немало сделавший для всемерного развития медицинского дела в Порт-Артуре).

Так я оказался в Тридевятиом царстве Тридесятим государстве, где все было удивительно для образованного человека... Одним шагом из зябкого, промозглого Порт-Артура, в жаркую, буквально объятую зноем страну, к невероятным чудесам. И хоть поблизости не оказалось ни леших, ни русалок, все остальное поражало не меньше. С интересом я обозревал подземные купальни с рядами каменных ванн, наполняемых натуральной живой водой. В этих купальнях, от ощущения присутствия чего-то невероятного, у меня на голове сами собой начинали шеве-

литься волосы, как от наэлектризованной эбонитовой расчески. Вместо того чтобы держать раненых в кроватях, делая им перевязки и потчuya порошками и микстурами, местные лекари со стопроцентным успехом погружают больных и раненых в живую воду, которая сама по себе – и повязка, и лекарство, и постель. Удивительный подход, не имеющий ничего общего с европейскими практиками, но тем не менее очень эффективный. Правда, работать такая методика будет только там, куда хозяева этого места поделят на мощный артезианский источник так называемого Духа Воды. Или, как сказала Галина Петровна, магия – это не более чем управление еще не познанными нами природными процессами, и если мы разовьем у себя достаточный научный уровень, то сможем решать те же задачи не при помощи заклинаний и магических источников, а путем применения лекарств, приборов и аппаратов. А вот над эти нужно как следует подумать...

Еще большим шоком для меня были встречи с людьми, часть из которых происходила из 1855 года, а некоторые излечивающиеся раненые говорили, что принимали участие в Бородинской битве (а ведь с того момента скоро минет целых сто лет!). Так что «доктор Пирогов» действительно оказался доктором Пироговым, находящимся в Тридевятиом царстве на стажировке, а уважаемая Галина Петровна оказалась моей коллегой – военным хирургом из мира, опережающего наш более чем на восемьдесят лет. И, самое главное, несносная девчонка Лилия действительно оказалась олимпийской богиней – существом невероятно могущественным, насчитывающим минимум тысячу лет существования, и в то же время не злым, по-детски любопытным и импульсивным. Я совершенно перестал на нее злиться и стал спокойно воспринимать ее выходки и образ поведения. Она такая, какая есть – и ничего с этим не поделаешь, главное-то не в этом... С какой гордостью она показывала мне результаты своих опытов по новому отрачиванию утраченных конечностей! Шевелящая пальцами маленькая детская ручка, торчащая из культи, оставшейся от руки, произвела на меня как на хирурга незабываемое впечатление.

Одним словом, получив о Тридевятиом царстве самое благоприятное впечатление, я попросил вернуть себя в свой кабинет. А там меня и доктора Пирогова, назначенного на переговоры, уже с нетерпением ждали господа Ирман, Церепицкий и Балашов. Официально представив присутствующим своего гостя из мира пятидесятилетней давности, я сказал, что рекомендую принять предложение Великого князя Артании разместить наших раненых в одном из своих владений. Доктор Пирогов в своем мире уже эвакуировал свой госпиталь и имеет представление, как это правильно делать.

– В Тридевятиом царстве, все готово для того чтобы принять, дообследовать, если надо прооперировать и разместить в лечебных ваннах несколько тысяч раненых не деля их на офицеров и нижних чинов, – сказал он. – Артанский князь – большой оригинал и делит людей не на бар и холопов, а на своих Верных, русских и всех прочих. По моему мнению, начинать необходимо с тех, кто признан современной вам наукой безнадежным, после перейдя на тяжелых, и только в самом конце отправлять на излечение легкораненых, выздоравливающих и цинготных.

Подумав, мы трое согласились с этим предложением, назначив руководителем эвакуационной комиссии господина Балашова, после чего работа закипела. Первым от тяжелораненых и умирающих был очищен Сводный госпиталь, затем Иван Петрович поехал во Временный Морской Госпиталь, следом на очереди стоял размещенный в здании городской гимназии госпиталь № 9, после чего тяжелораненых и умирающих следовало эвакуировать с госпитальных судов «Монголия», «Ангара», «Казань», «Орёл», «Кострома». И только в самом конце очередь должна дойти до инфекционного госпиталя № 11, иначе еще именуемого «Госпиталем смерти». Для приема тяжелобольных, страдающих от тифа, цинги, дизентерии и других прилипчивых болезней, готовились отдельные помещения, а пока живую воду в госпиталь № 11

переправляли в бочках – чтобы все пациенты и персонал могли пить по стакану такой воды в качестве укрепляющего средства утром, днем и вечером.

И вот в разгар всей этой бурной деятельности я убедился, что все идет как надо, и вернулся в Сводный госпиталь, чтобы составить список врачей и медсестер, которые отправятся в Тридесатое царство на стажировку. И вот, когда этот список был почти наполовину заполнен, в мой личный кабинет в Сводном госпитале в сопровождении казаков буквально ворвался генерал Стессель (возможно самый бесполезный генерал в нашем Порт-Артурском командовании). Мало интересуясь делами, что творились на фронте обороны, в основном он посвящал свое время казуистическим дразгам по разным хозяйственным вопросам с генералом Смирновым, городским полицмейстером или даже начальником жандармской команды (*в таком случае генерал Фок, отдавший множество изменнических капитулянтских приказов, должен бы считаться самым вредным генералом*). На этот раз ему не понравилось, что решение о переводе раненых в артанские госпитали было принято без его ведома. Топая ногами, генерал Стессель орал на вашего покорного слугу самыми грязными словами, требуя немедленно вернуть всех раненых в госпитали, и что впредь он воспрещает и не позволяет. А в дверь при этом заглядывали бородастые рожи толпящихся в коридоре казаков.

И в этот момент в моем кабинете прямо из воздуха, как это и положено в Тридевятиом царстве, объявляется Великий князь Артанский собственной персоной, и при нем – взвод отборных головорезок его охраны. При их виде казаков из коридора как ветром сдуло, даже не потребовалось говорить «брысь». Наслышаны уже, небось, служивые, что артанский самодержец – человек чрезвычайно решительный и не терпит воинствующих дураков. А это значит, что быть Стесселю битым... или даже больше того. Мне господин Серегин чем-то напоминает Петра Великого: то же пристрастие к простому мундиру, пренебрежение аристократическими условностями, быстрота и решительность в делах. Палки в его руках не видно, но я уже знаю, что этому человеку она не нужна: словом и силой мысли он способен отделать любого ослушника до полусмерти.

– А ты кто таков, чтобы орать на уважаемого человека, доктора и мастера своего дела? – металлическим голосом, еле сдерживая ледяную ярость, первым делом спросил артанский князь.

Обернувшись на этот голос, генерал Стессель осекся на полуслове, как замороженный уставившись на пришельца из ниоткуда. А посмотреть было на что. Едва заметные в полутьме, за спиной князя обрисовывались чуть заметные светящиеся архангельские крылья, а над головой зависло легкое свечение нимба. Стессель, по натуре подкаблучник, бывает смел и решителен только с лицами подчиненными, не смеющими дать отпор, а оказавшись перед людьми сильными, превосходящими его должностью, званием и знатностью, он теряется, не имея сил высказать ни слова. До тех пор, пока наместник Алексеев обитал в Порт-Артуре, Стесселя не было ни видно, ни слышно, а как только тот уехал с началом осады, самодурство коменданта Квантунского укрепленного района развернулось во всю ширь.

– Боевые генералы и господа офицеры – вроде Кондратенко, Ирмана и Надеина – воюют и думают о победе! – продолжил свою полную ярости речь князь Серегин, – Доктора и медицинские администраторы – вроде господ фон Гюббенета, Бунге и Балашова – думают о том, чтобы спасти как можно больше человеческих жизней и о возвращении в строй раненых солдат. А о чем думаете вы, господин Стессель? О том, чтобы от одних подчиненных присвоить себе полномочия, которые дадут вам возможность чувствовать себя главным петухом в этом курятнике, а от других – заслуги, позволяющие ни за что получать ордена и продвижение по службе? В то время как одни генералы лично водят подчиненные им войска в штыковые атаки, а также под огнем врага обходят батареи, вы, Анатолий кляузничаете, склочничаете и пытаетесь воспользоваться двоевластием, балансируя между Военным Ведомством и штабом Наместника на Дальнем Востоке!

– Но, позвольте, господин Серегин! – в отчаянии вскричал Стессель, и осекся, услышав в ответ грозное монаршие: «Не позволяю!».

– После войны, несомненно, начнется следствие о том, кто и как себя вел во время осады, – веско сказал артанский князь. – Отзывы от вашей деятельности будут преотвратные – откуда же взяться другим... И даже, более того, некоторые будут топить вас нарочно, лишь бы скрыть истинных виновников чуть было не разразившейся катастрофы. И военно-полевой суд не сможет вынести иного решения, кроме смертной казни за измену Отечеству и Государю. Вы что предпочитаете – залп в грудь от расстрельного взвода, или хорошо намыленную петлю на шею?

– Я дворянин и офицер! – попытался было взбрыкнуть Стессель; при этом было видно, как в глазах его мечется страх, – а таких не вешают...

– Вешают, и еще как! – отрицательно покачал головой Артанский князь, – были уже прецеденты. Сначала гражданская казнь: лишение титулов, званий, наград и прав состояния и только потом – обыкновенная виселица.

– Ну что же делать, ведь я же не предатель, я не хотел, не знал и не предвидел?! – в отчаянии возопил Стессель, миготнув от нарисованной перспективы, более чем вероятной.

Немного подумав, Артанский князь сказал:

– Если вы прямо здесь и сейчас напишите бумагу, в которой укажете, что по состоянию здоровья снимаете с себя полномочия коменданта Квантунского укрепрайона и временно возлагаете их на генерала Конратенко, то я обязуюсь при личной встрече замолвить за вас слово перед вашим государем-императором Николаем Александровичем. Гром Победы заглушит все ваши прегрешения. Максимум наказания, на который вы можете рассчитывать в таком варианте по итогам войны – это отставка с пенсией, но без мундира, ибо ничего почетного в вашей службе не было. Договорились?

В ответ Стессель, не говоря ни слова, сев с другой стороны стола, попросил у меня перо и бумагу и написал тот документ, который просил Артанский князь. Дата и подпись. Отныне главным генералом в Порт-Артуре стал генерал Кондратенко.

Тем временем Артанский князь посмотрел на меня и сказал:

– Виктор Борисович, напишите, пожалуйста, врачебное заключение о том, что вы осмотрели генерала Стесселя и нашли у него крайнее истощение нервной системы, повышенную нервность и бессонницу, вызванные переутомлением за время осады...

Я не отказался и написал требуемую бумагу, после чего Артанский князь вытолкнул совершенно упавшего духом, бледного и трясущегося Стесселя через дыру в Тридешатое царство, распорядившись, чтобы того поместили в какую-то там «Башню Власти». Я было поинтересовался, с чего это ему такая честь – и услышал в ответ, что не все так просто. Все кто жил в этой башне до Стесселя, были вынуждены круто изменить свою жизнь, так что это не награда, а средство исправления его натуры (если там есть что исправлять).

05 декабря (22 ноября) 1904 год Р.Х., день первый, 19:35. Порт-Артур, казармы пятого восточно-сибирского полка.

Первопризывная амазонка Аелла.

Обожаемый командир Серегин говорит, что мы, амазонки – дикие штучки, в седле рожденные, с конца копыта вскормленные. Все это так... но если говорить о тех, кто, подобно мне, пошел путешествовать с Серегиним по верхним мирам, есть и еще кое-что. Там, у нас на Родине, с хорошими мужчинами не особо хорошо. Там мужская половина человечества состоит либо из патологических мамсиков, либо из тупого скотоподобного быдла, считающего своим идеалом громилу Ареса. Поэтому мы все платонически влюблены в нашего обожаемого командира, который кажется нам средоточием всех мыслимых и немыслимых мужских достоинств. Поэтому, уходя из родного мира, мы расторгли нашу связь с Кибелой и уверовали в

Небесного Отца, которому служит Серегин. Он – идеальный военный вождь, подчиняющийся только высшим силам и более никому. Помимо всего прочего, он наш мужской идеал, и именно с ним, как с эталоном, мы сверяем потенциальных кандидатов в отцы своим дочерям. Если бы наш обожаемый командир только захотел, то стал бы самым многодетным отцом в верхних мирах; но у него принципы и делит постель он только со своей женой, а посему нам остается лишь со стороны любоваться на эту идиллию.

Но когда к нашей компании в несколько приемов присоединились большие группы выходцев из верхних миров, у многих из нас глаза стали просто разбегаться. Пусть богоравных героев среди них было маловато и большинство тамошних мужчин были просто «нормальными», но и это было уже большим прогрессом по сравнению с тем, что мы знали дома. Некоторые из нас (наверное, от шока) буквально сошли с ума и завели себе так называемые «постоянные отношения». Этому поветрию оказалась подвержена даже закоренелая девственница и мужефобка Артемида. Но она не просто хранит верность одному и тому же партнеру – она собирается за этого богоравного героя замуж! Такое у них на Олимпе не впервые, но в первый раз супруг вечно юной богини происходит из верхних миров. А это совсем другое дело... Прочих богоравных героев тоже быстро расхватили, и осталась я ни с чем, потому что соглашаться на «нормального» я не готова. Это – товар для наших остроухих подруг, которые не так притязательны как амазонки и млеют от малейших проявлений мужской ласки.

Так вот... Оказавшись там, куда меня привел Серегин, я чуть было не сошла с ума от безумного счастья. «Мамсики» и «скотов» в этом собрании не наблюдалось вовсе; «нормальных», впрочем, тоже почти не итмелось. Около трети всех собравшихся составляли богоравные герои – те, что обычно погибают молодыми; остальные были просто героями, как правило, доживающими до седых волос. Стратег, которого мне поручили охранять, оказался просто героем, к тому же уже достаточно преклонных лет. Знаменитый больше глубоким умом и рассудительностью, чем отчаянными подвигами, он не вполне подходил мне в личном плане, но я хорошо поняла его важность для моего обожаемого командира. А вот чуть поодаль от него стояла группа молодых мужчин в черных одеждах. Я слышала, как и их ушах свистел штормовой ветер, ощущала бьющие прямо в лица соленые брызги, видела, как под ударами их оружия в дыме и пламени погибали враги... И это было хорошо. Любой из этих людей в черном был достоин подарить мне дочь. Правда, этот выбор я не собиралась делать прямо сейчас. Дело превыше всего, да и обожаемый командир слегка напугал предполагаемых ухажёров, – впрочем, сейчас не помешает немного добавить и от себя. И только тот, кто прорвется через напущенный мною испуг, удостоится чести участвовать в следующем круге отбора, который случится когда-нибудь потом.

– Господа, – сказала я громким звонким голосом, когда Серегин вышел и взгляды присутствующих обратились в мою сторону, – я и в самом деле амазонка и дочь амазонки Аго, которая родила меня сразу после того как спрыгнула с седла боевого коня. Сидеть в седле и держать в руках детский лук я научилась раньше, чем ходить. Когда мне исполнилось шесть лет, мать отдала меня в гимнасиум и забыла о моем существовании. Там меня научили скакать на спине коня без седла, без промаха метать стрелы из лука, драться на мечах и на кулаках с заведомо сильнейшим противником и танцевать наши дикие амазонские танцы, а память развивали заучиванием наизусть длиннейших гексаметров Гомера. Единственное, чему не учат юных амазонок в гимнасиуме, так это прилежанию, домоводству, рукоделию и кулинарии. Так что имейте в виду, что мой князь был прав. Ухаживая за амазонкой, вы должны превосходить ее во всем, и все время быть готовыми к отказу. А еще мы чрезвычайно серьезно относимся к порученному делу, и поэтому, пока враг не будет разгромлен, вам не следует подкатывать к любой из нас с предложением познакомиться. Так что всего наилучшего, господа потенциальные ухажёры; ничего личного, только дело.

Когда я закончила говорить, наступила тишина. Местные мужчины обдумывали сказанное и решали, нужен ли им такой «подарок» как я или лучше обойтись местными вариантами попроще. Ну ничего, даже если претендентов не будет, то, когда все кончится, я смогу подобрать себе юношу послаще, уже богоравного героя, но еще совсем неопытного с женщинами, прижать его в темном углу к теплой стенке и показать, как пылко умеют любить амазонки, когда им этого очень хочется.

– Мадмуазель, – наконец подал голос господин Кондратенко, – а вы и в самом деле постоянно находитесь со своим князем в умственной связи?

– Да, – сухо ответила я, – но это совсем не то, что вы думаете. Просто когда я бываю нужна своему Патрону, то непременно оказываюсь от него на расстоянии вытянутой руки, и он говорит мне, что нужно сделать, а когда мне плохо и я нуждаюсь в поддержке, он немедленно узнает о том и приходит мне на помощь. И так не только со мной, но и с любым членом нашего воинского Единства. Когда Серегину во время битвы нужно отдать приказ, то он не посылает гонцов и не машет флажками. И точно так же ему мгновенно становится известно изменение обстановки у любого из его подразделений.

– Так и есть, – поддержал мои слова подполковник Соколов, – Сергей Сергеевич – весьма решительный командир, не знающий сомнений и колебаний, с отменными тактическими талантами и крайне высокая скорость управления войсками дает ему значительные преимущества перед более медленным противником. Обычно он побеждает раньше, чем враг сумеет понять, что вообще происходит...

И в этот момент у меня в голове прозвучал твердый голос обожаемого командира:

– Аелла, срочно сообщи всем присутствующим, что генерал Стессель срочно взял отпуск по состоянию здоровья, назначив вместо себя исполняющим обязанности коменданта Квантунского укрепленного района генерала Кондратенко Романа Исидоровича. А главный врач гарнизона доктор фон Гюббенет выписал господину Стесселю соответствующую справку, на чем эпоху стесселизма в Порт-Артуре можно считать законченной. Пусть Роман Исидорович действует по нашему предварительному плану, потому что за час перед началом наступления я вручу ему означенный документ.

– Итак, господа, – сказала я, – только что мой командир сообщил, что местный главный начальник господин Стессель взял отпуск для поправки здоровья, оставив исполнять свою должность присутствующего здесь генерала Кондратенко. Прошу, как у вас говорится, любить и жаловать. Необходимый документ мой командир доставит сюда за час до начала наступления.

– Лихо! – тут же прокомментировал мои слова подполковник Соколов. – И тут, должен вам заметить, Сергей Сергеевич в своем репертуаре. Обнаружив препятствие исполнению своих планов, он устраняет его со всей возможной решимостью, впрочем, не пересекая при этом определенной черты. Ведь генерала Стесселя, имеющего в будущем репутацию капитулянта и предателя, можно было бы просто умертвить сотней различных, внешне естественных методов, упрятав тело в землю, а дело архив, но вместо того Сергей Сергеевич договаривается с этим человеком на вполне приемлемых для того условиях...

Конец этой речи потонул в восторженном шуме и гаме. Присутствующие бурно радовались тому, что любимый ими генерал стал главным начальником в этой изолированной от основных сил крепости, а я чувствовала, что господина Кондратенко тут любят почти так же сильно, как мы любим нашего обожаемого командира.

И в этот момент всеобщего ликования я увидела, как в раскрывшуюся дверь вошел высокий чернявый человек, одетый в распахнутую на груди шинель пехотного офицера. Сунув правую руку за отворот, он с решительным видом направился в нашу сторону. В моей голове зазвенели колокольчики тревоги. Заклинание Истинного Взгляда, наложенное на мою ауру, помимо прочего, помогало мне сходу определить истинную сущность человека. Приближаю-

щийся к нам с генералом тип не являлся никаким офицером, а был просто наемным ассасин-убийцей, и его целью был именно генерал Кондратенко.

Выхватив из плечевых кобур оба своих «федорова» и одновременно делая шаг в сторону, чтобы прикрыть собой генерала, я услышала в голове приказ обожаемого командира: «живьем брать гада!». Эта команда заставила меня потратить лишнее мгновение на изменение точек прицеливания – и поэтому все три выстрела прогремели одновременно. Пуля ассасина угодила мне под левую ключицу, вмяла несокрушимую тританиевую пластину бронежилета и отбросила меня назад, на ничего не ожидающего генерала, который от неожиданности сам суть не свалился с ног. Если бы я не прикрыла его собой, то лежал бы господин Кондратенко сейчас здесь в луже крови с дыркой в сердце...

Отчаянно ругаясь на койне, я восстановила равновесие и, выпрямившись, посмотрела на ассасина. Он лежал навзничь, бревно бревном. Обе моих пули угодили в плечевые суставы, как я и хотела, лишая того возможности вести бой или даже просто бежать, но, несмотря на то, что его ранения были явно не смертельны, лицо этого человека заливала мертвенная бледность, а сам он не подавал признаков жизни. Такое могло быть только в том случае, если тот, кто отправил убийцу на это задание, наложил на него специальное Заклинание Смерти. Но разве такое может быть в этом мире, почти лишенном всяческой магии?

Не убирая пистолеты, я подошла к ассасину поближе и, втянув носом воздух, ощутила слабый, едва заметный запах горького миндаля...

В моей голове прозвучал мрачный голос обожаемого командира: «Скорее всего, твоя пуля повредила стеклянную ампулу с сильнейшим ядом, зашитую в воротник шинели этого человека. Даже ничтожной части ее содержимого, попавшего в кровь, хватит для мгновенного летального исхода. Вот тебе и «Заклинание Смерти». Но ты в этом случае ни в чем не виновата – как говорится, все в руках Божьих. Напротив, моя тебе благодарность и рукопожатие перед строем. Сделано хорошо.»

Восприняв это сообщение, я почувствовала, как душу мою обдало теплом и благодатью: похвала нашего обожаемого командира это немалая награда для его Верной. Но, как оказалось, цепочка событий далеко не закончилась. Не успела я распрямиться и убрать оружие в кобуры, как дверь снова распахнулась – и на пороге появился чернобородый мужчина в шинели голубого цвета, а позади него толпились люди, в которых Истинный Взгляд распознавал стражников самого гнусного толка. Сам тип в голубой шинели тоже трактовался весьма неоднозначно. Это был преданный служака, не умеющий и не желающий отличить добро от зла, и потому с рвением ищейки преследующий любого, на кого ему укажет начальственный перст. Такими людьми легко манипулировать, и потому они бывают даже опаснее самых опасных ассасинов. В руке тип в голубой шинели держал револьвер, похожий на тот, что имелся у покушавшегося, и ствол этого револьвера был направлен в мою сторону.

– А ну брось оружие, негодяй! – обращаясь, скорее всего, ко мне, как можно более грозно произнес этот тип, – ты арестован по подозрению в убийстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.